

ФЕРНАНДО МАГЕЛЛАН

Смена эпох

Игорь Ноздрин
Фернандо Магеллан. Книга 2

«Литео»

2005

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6

Ноздрин И. В.

Фернандо Магеллан. Книга 2 / И. В. Ноздрин — «Литео»,
2005 — (Смена эпох)

ISBN 5-85479-005-X

Второй том романа «Фернандо Магеллан» описывает трудную зимовку испанцев в заливе Сан-Хулиан, трагические события на краю южноамериканского континента, новые козни врагов адмирала, открытие легендарного пролива. Автор показывает беспримерный переход поредевшей флотилии через Тихий океан, поиски неизвестных земель, первые встречи с туземцами. Книга заканчивается открытием Филиппинского архипелага, попыткой командующего создать свою островную империю и его бессмысленной гибелью на крохотном островке.

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6

ISBN 5-85479-005-X

© Ноздрин И. В., 2005
© Литео, 2005

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	25
Глава IV	36
Глава V	48
Глава VI	55
Глава VII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Игорь Валерьевич Ноздрин

Фернандо Магеллан

Книга 2

© И. Ноздрин, 2005

* * *

Глава I

Зимние хлопоты

В маленькой мастерской, устроенной в сотни шагов от воды на каменистом берегу, стучали молотки, всхлипывала пила, звонко пело железо. В тесном дымном срубе, с дырами-окнами, крытыми мутными волнистыми стеклами, с раннего утра возились люди. Чумазные юнги раздували мехи горна, гремели задвижками вытяжной трубы. Желтые искры вырывались из печи, сыпались в стороны, летели на грязный пол, затухали на сквозняке. Распахнутая настежь и подпертая валуном, обитая парусиной дверь выпускала наружу скапливающиеся под потолком клубы дыма. От чада и копоти слезились глаза, чесалось в носу текли сопли. Промерзшие моряки тянулись к теплу, искали случая помочь кузнецам поднести из-под навеса дрова, придержать доски плотникам, работавшим за грубо сколоченными верстаками в дальнем углу от наковальни.

Потный, румяный нормандец с «Сант-Яго» Ричард Фодис неторопливо строгал длинную узкую доску. Отросшие до плеч русые волосы, схваченные засаленной тесемкой вокруг головы, колыхались, вторили движениям большого здорового тела. Зажав веснушчатymi лапами рубанок, утонувший в огромных ладонях, медлительный и неразговорчивый Фодис с удовольствием делал привычную работу, добродушно поглядывал на больного священника.

В драной рясе, с непокрытой головой и голыми ногами, жалко поджав тощие коленки, Антоний сидел на куче ароматных стружек, пахнувших свежестью расколотого дерева. Раскрыв единственную сохранившуюся у него ценность – Библию, францисканец водил по цветным строчкам тонким пальцем со сломанным ногтем, шевелил синими бескровными губами, читал вслух срывающимся голосом, хрипел и кашлял в кулачок, чтобы слюни не падали на страницы:

«Я пролился, как вода; мои кости рассыпались;
Сердце сделалось подобным воску, растаяло посреди
внутренности.
Сила иссохла, как черепок; язык прилип к гортани.
Ты свел меня к персти смертной...»

(Пс. 21, 15–16).

Вьющаяся стружка змейкой ускользала из-под рук плотника. Ему казалось, будто дереву больно и оно зашевелится под серебристым ножом, сморщится, всплакнет глазами-сучками. Он потянул носом, почувствовал запах парного молока, сосновой смолы. Усталые глаза Фодиса удивленно расширились, в них заплясали бесенята-огоньки пламени печи, гудевшей ровно и сыто. Шумно раздувая ноздри, он глубоко вздохнул, поискал кувшин с молоком, но спохватился, – отер ладонью лоб, почесал белесые волосики на груди, поправил доску. Антоний шелестел пожелтевшими страницами:

«Твои стрелы вонзились в меня, Твоя рука тяготеет на мне.
От гнева Твоего нет целого места в плоти моей, нет мира
в костях от грехов,
Мои беззакония превысили голову, отяготели на мне, как
тяжелое бремя.
Смердят, гноятся раны от безумия моего.
Я согбен, поник, весь день хожу, сетуя;

Чресла полны воспаления, нет здорового места в теле.
Я изнемог, чрезмерно сокрушен; кричу от терзания сердца.
Господи! Пред Тобою все мои желания, дыхание мое не скрыто
от Тебя.
Сердце трепещет; оставила сила, нет у меня света очей...»

(Пс.37, 3—11).

- Это написано обо мне, – решил монах.
- Какие у вас грехи? – не удержался Фодис.

Антоний вздрогнул, будто очнулся от сна, посмотрел на плотника затуманенным взглядом, словно видел его вдали на рыхлом сыром снегу.

– Если вы грешны, как же нам жить, надеяться на Царство Божие? – с трудом подбирая слова, спросил нормандец. – На вас нет и сотой доли грехов простого матроса.

– Болит, – поморщился францисканец, – вот здесь. – Он коснулся груди, закашлял. – На душе гадко.

- Это от простуды, а не от грехов, – подсел к нему плотник.

Куча стружек разом опустилась, Антоний скатился на пол. Фодис легко подхватил его, притянул к себе.

– Разве можно ходить в такой рясе? – укоризненно произнес он, брезгливо разглядывая рванье. – Босиком по снегу... Неужели у вас нет теплой одежды?

– Я все роздал, – простодушно ответил капеллан. – Так ходил святой Франциск. Я буду, как он, пока не замолю грехи.

- У вас нет их, – повторил плотник.

– Нет праведника без греха, – покачал головой Антоний, – на мне чужие грехи. Бог избрал меня агнцем-искупителем.

- Я сделаю вам сандалии на деревянной подошве, – пообещал Фодис.

– Спасибо, Ричард, – воспротивился Антоний, – я не должен думать о теле. Надо молиться за колодников, за сорок человек, работающих в цепях.

– Адмирал позаботится о них: он заковал бунтарей, он и снимет кандалы. Пусть радуются, что живыми остались, поплывут в теплые моря, а не умрут на проклятом берегу вдали от родины.

– Он бьет их палкой по головам! – пожаловался священник. – Приказывает приводить по одному и бьет, бьет...

– Что делать с мятежниками, отказывающимися собирать хворост, возить воду на корабли? Сегодня один не пойдет, завтра – взбунтуются десятки!

– Нельзя истязать людей. Они созданы по образу и подобию Божью. Я сейчас прочитаю тебе... – он начал рыться в Библии.

– Сами виноваты, – равнодушно заметил Фодис. – Офицеры насильно не вербовали дураков.

– Это моя вина! – Антоний резко захлопнул книгу— Я не нашел нужные слова, не удержал от кровопролития. Бог послал меня для мира, а я посеял вражду. Нет мне прощения, пока люди не помирятся.

– Таким путем вы ничего не измените, – усомнился плотник, – не дотянете до весны, умрете от грудницы. Вон как дышалка бухает, будто Маэстро Педро из пушки палит. Слабое у вас сердце, мышца у него тоненькая. Вас бы в Нормандию на молоко... – Фодис шумно вдохнул смолистый воздух, прикрыл покрасневшие глаза. – Дымом пахнет, – определил он, – столлярной лавкой, очагом, кожей. – Немного помедлил и нехотя добавил: – Бог накажет виновного за людские мучения.

- Не надо наказывать, – перекрестился Антоний. – Я искуплю.

– Убивать себя – грех! – напомнил Фодис— Это от премудрости. Старый еврей сказал: «Большие знания углубляют скорбь!» Вы много читаете, поэтому душа болит.

Монах подхватил:

«Род уходит, и род приходит, а земля пребывает во веки,
Солнце всходит и заходит, спешит к месту, где встает.
Ветер идет к югу, поворачивает к северу, кружится на ходу,
возвращается на круги свои.
Все реки текут в море, но оно не переполняется; реки
возвращаются
к месту, откуда выходят, чтобы течь.
Все вещи в труде; человек не может пересказать всего; не
насытится
око зрением, не наполнится ухо слушанием.
Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, нет
ничего
нового под солнцем...
Нет памяти о прежнем, и не сохранится воспоминание о
будущем...
Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме;
Предал сердце свое тому, чтобы испытать мудростью все, что
делается
под небом: это тяжелое занятие Бог дал сынам человеческим,
дабы упражнялись в нем.
Я видел все дела, совершающиеся под солнцем, это все —
суета и томление духа!
...В большой мудрости много печали; кто умножает познания,
умножает скорбь»

(Еккл. I, 4—18).

– Вы и впрямь святой, – удивился плотник, с восхищением разглядывая маленькую головку францисканца со слипшимися волосами и заросшей тонзурой. – Недаром капитан-генерал боится вас!

– Хочешь, научу тебя читать? Ты познаешь мудрость этой книги.

– Я не осилю буквы, да и зачем умножать скорбь?!

Он поднялся, взял рубанок, постучал по нему киянкой, нежно прикоснулся к доске, широким взмахом провел по краю. Медовое тело дерева слегка вздрогнуло, отозвалось глухим вздохом, обнажило белизну. Трепетная ленточка стружки вырвалась из-под рук Ричарда на волю, упала к ногам священника, свернулась пшеничным локоном нормандской крепьянки.

* * *

Сквозило. Прохладный ветер гулял по полу, изгонял из углов клубы дыма. Печь надсадно гудела, выплевывала огненную пыль. Юнги, Педро де Чиндарса и Хуан де Сибукета, по обе стороны низкого каменного очага попеременно качали мехи. Серые кожаные мешки раздувались жабами, слегка хрустели, вторили треску дров. Желтое пламя лизало сучья, отступало под напором воздуха, яростно набрасывалось на дерево. Короткие поленья шипели, взрывались, стреляли в кузнецов раскаленными углями. Те вполголоса переругива-

лись, проклинали сырую древесину и жадность адмирала, запретившего выдавать с кораблей сухой лес. В топке скопилась куча оранжево-красных углей, серевших в покое, желтевших под напором мехов. Когда пламя исчезло и над ворохом углей вспыхнули синеватые огоньки, матрос с «Виктории» Хуан де Аратья неторопливо постучал кочергой по головешкам, аккуратно разгреб жар, уложил зубастыми клещами полосы железа. Немного передохнув, стряхнул крупные капли пота с лилового лица, утратившего привычные очертания и сохранившего только щелочки темных глаз, присыпал заготовки углем. Затем торжественно поднял короткий толстый палец, велел помощникам медленнее качать мехи, будто внутри печи совершалось некое таинство.

– Наша матушка потекла, – пожаловался стражник Мартин, гревшийся на поленьях у огня.

– Вторую неделю плачет, – поддержал Педро.

Кузнец строго взглянул на него, и юнга умолк.

– Течет и течет... – слегка покачивая крупной головой на короткой шее, продолжал стражник.

– Надо конопатить, – подсел к нему Аратья.

– Капитан сказал, придется вытаскивать на берег.

Кузнец недоверчиво посмотрел на него.

– Истинная правда... Педро подтвердит, – заверил Мартин.

– Угу, – промычал парнишка.

– Разве можно крупное судно вытащить на берег? – не поверил Сибулета.

– Трудно будет, – решил матрос – Пока разгрузят, снимут такелаж, законопатят – месяц пройдет.

– Куда нам спешить? – вздохнул Мартин. – Зима только началась, дожить бы до весны. У меня десны распухли, язык болит.

Он оскалился, показал желтые крепкие зубы, набухшие розовые десны.

– Кровь идет? – посочувствовал Аратья.

– Нет.

– Может, опухоль пройдет и скорбута не будет, – успокоил кузнец. – Кара на тебя снизошла за грехи. Ты бы покайся, помолился.

– Элькано советовал жевать свежее мясо, пить кровь, а я не могу. Моисей запрещал евреям пить кровь, называл их нечистыми.

– Ему хорошо жилось под пальмами, – усмехнулся Аратья, – снега не видел.

– Грешно есть сырое мясо, – покачал головой Мартин.

– А бить колодников – благое дело? – упрекнул кузнец.

– Я не по своей воле. Сеньор Барбоса приказал колотить палкой, коли не слушаются.

– Ты бы сам походил в цепях...

– Я не бунтовал.

– Мы все хотели вернуться домой.

– Я, правда, не бунтовал, – защищался Мартин.

– Люди говорят иное.

– Врут!

– Ты первым сбежал от Кесады, поэтому Барбоса простил тебе измену.

– Верно, – поддержал Педро. – Он многих помиловал с «Консепсьона», арестовал лишь пошедших за капитаном. Дядя Ганс сказал мне: «Не лезь не в свое дело, иначе лишишься головы!» Когда корабли столкнулись, он спустился в трюм и меня насильно затащил. Дядя Ганс и Глухого не пустил.

– Глухой-то за кого был? – поинтересовался Аратья.

– Он ходил по палубе, рычал, грозил всем кулаками. Во кулак! – юнга восхищенно развел руками. – Мне бы такой!

– Качай воздух! – прикрикнул кузнец.

– Сеньор Гальего дал мне меч, когда его сын захватил корабль, – похвастался Сибулета.

– Подумаешь... – хмыкнул Педро. – У меня давно свой есть.

– Васко защищал Эспиносу, – поправил Мартин. – Командующий отдал офицеру за убийство Мендосы вещи покойного.

– Говорят, казначей выдал матросам Эспиносы по десять золотых монет, – понизил голос Аратья.

– Точно. Кто бы даром рисковал? В самое пекло лезли. Опоздал бы Барбоса с солдатами, их бы разорвали на куски, кинули рыбам.

– Кормчий бы не позволил, – возразил Сибулета.

– Ха! – засмеялся стражник. – Мендоса плевал на него. Кто бы заступился? Не ты ли?

– Многие! – звонким голосом воскликнул юнга. – Я тоже.

– Ух, ты воинство!

– Не тронь парня, – сказал Аратья. – Моряки любят Гальего.

– Теперь у нас хороший капитан – веселый! – Сибулета похвалил Барбосу— Обещал дать реал, если туземку приведут.

– Ха-ха! – захохотал Мартин, хлопывая себя обеими руками по коленям. – То-то вся «Виктория» собирает дрова. Другие команды чинят корабли, а их тянет на берег. Только нет здесь никого, мы одни зимуем на краю земли.

– Угли чернеют. Подбросить полено? – предложил Педро.

– Пора вынимать железо, – Аратья поднялся на ноги. – Мартин, помоги придвинуть наковальню к свету! Педро, кликни кузнецов!

Матрос разгреб кочергой потускневшие угли, отыскал раскаленные куски железа, постучал по ним, стряхнул мусор, придвинул к краю печи. Покрасневшие полосы разбухли, подобно деснам стражника. Аратья ловко подхватил одну длинными щипцами, опустил на наковальню; тускло-серая поверхность обожглась, вмиг пожелтела. Подоспевшие кузнецы, высоко вскидывая молоты, застучали по огненной змейке. Она извивалась, подпрыгивала, старалась ужалить, Аратья крепко держал ее клещами. Под грохот молотков, заполонивший кузницу, железо померкло, затихло. Любуясь превращением куска металла в хищный гарпун, плотники толпились у печи. Остывшее железо, еще горячее, пахнущее огнем, Аратья вырвал из-под молота, сунул в бочку с водой. Мутноватая жидкость недовольно зашипела, забулькала, испустила облачко пара. Матрос вынул из воды гарпун, кинул в угол кузницы, где валялись крюки, штыри, гвозди для ремонта кораблей. Не успели мастера передохнуть, как мокрые щипцы уже тянулись за следующей полоской радужного железа, захватили, зашипели, поволокли ее на наковальню.

– Храни вас Господь, сеньор капитан-генерал, и всю вашу семью! – послышался голос Сибулеты у двери.

Матросы обернулись. В проеме стоял адмирал в сером меховом плаще до колен, натянутой на уши собольей шапке, толстых масляных сапогах. Подбоченившись, он наблюдал за ними. Позади на снегу маячила свита.

– Продолжайте! – адмирал махнул рукой, шагнул внутрь.

Плотники разбежались к верстакам, молотобойцы по пояс голыми телами прикрыли наковальню. Кузница наполнилась привычными звуками. Командующий оглядел кучу сделанного за день добра; постучал пальцем по строганым доскам, проверил по звуку на гниль; порылся в обрезках (вдруг плотники выкинули хорошую чурку). У дверей на воздухе переговаривались офицеры.

– Антоний? – наткнулся на францисканца Магеллан. – Что ты здесь делаешь, в дыму, в копоту на куче мусора?

– Читаю, – испугался священник и торопливо поднялся на ноги.

– Босой? – недовольно покачал головой адмирал. – Ты сегодня ел?

– Не помню, – промямлил монах.

– А вчера?

Капеллан молчал.

– Почему убегаешь с корабля?

– Здесь теплее.

– Ты болен?

– Нет.

– У тебя ноги покрылись коростами, на лице выступили прыщи.

– Плоть – бrenна, дух – вечен, – произнес монах.

– Сеньор Моралес! – адмирал обернулся к двери.

Посапывая в русые усы, придерживая рукой расчесанную бороду, врач бочком протиснулся между кузнецов, подошел к Магеллану.

– Вы велели держать его в трюме и хорошо кормить, – напомнил адмирал, показывая на Антония.

– Совершенно верно, – согласился Моралес, почтительно поклонился, спрятал поху-девший, но еще круглый живот.

– Почему он тут? – раздраженно спросил командующий.

– Я не могу держать Антония за ногу, – надулся врач и брезгливо поморщился. – Монах не желает лечиться.

– Я заставлю его! – погрозил адмирал, сжал кулаки, упер руки в бока.

– Духовную особу нельзя бить – вежливо напомнил Моралес.

Я не буду калечить Антония, – резко выпалил Магеллан. – Я знаю иной способ заставить его принимать пищу Мартин, – скомандовал стражнику— отбери у монаха книгу!

– Нет! – взмолился Антоний, обеими руками прижимая драгоценность к груди. – Вы подарили ее мне, я не отдам. – Он решительно выпрямился, зло посмотрел на адмирала. – Вы – жестокий человек! Я не хотел...

– Да, я жестокий человек! – оборвал священника Магеллан. – Я не позволю человеку умереть за тысячи лиг от Испании, где рабочие руки дороже золота. Кто починит и поведет корабли? Кто очистит души верующих, окрестит язычников? Де ла Рейна сидит взаперти, как зверь в клетке, Олисио умер в океане, Педро де Вальдеррама лежит в трюме и не узнает друзей. Скоро на каравеллах не останется капелланов, тогда возникнут разврат, бунты, убийства...

– Притесняя других, умный человек теряет разум... А доброму хозяину Господь дает мудрость.

– О, Мадонна, просвети агнца Божия! – адмирал воздел руки к закопченному потолку — Ты не слышал приказа? – строго поглядел на стражника.

– Забрать Библию? – колебался Мартин. – Ее дают злодеям в камеру.

– Возьми! – велел Магеллан и спрятал руки за спину.

– Нет! – жалобным срывающимся голосом закричал Антоний, когда Мартин вцепился в книгу— Лучше посадите меня с доминиканцем, пусть бьет меня, только не троньте Библию.

Францисканец рвался в стороны с прижатой к груди книгой, пытался освободиться из рук стражника. Когда тот уже держал Библию в руках, священник отчаянно повис на ней, упал на пол вместе с сокровищем, свернулся калачиком, спрятал ее у живота. Широко рас-

ставив ноги, Мартин склонился над скрюченной фигуркой. Моралес не выдержал, отвернулся. Матросы осуждающе глядели на командующего.

– Не тронь его! – смутился Магеллан, не ожидавший упорного сопротивления. – Пусть читает.

Стало тихо. В печи потрескивали угли, у двери на улице слышались разговоры. Магеллан на миг растерялся.

– Поднимите Антония, отведите ко мне в каюту! – распорядился он, всматриваясь в лица мастеровых. – Пусть Энрике принесет еду, запрет его, никуда не выпускает.

– Вставай! – Мартин осторожно потрепал капеллана по плечу— Отогреешься, выплывешь, сладко поешь... Пойдем! – позвал францисканца, поглаживая по спине.

– Не мучайте себя, святой отец, – поддержал Фодис, – полечитесь! Иисус поднимал мертвых из гробов, очищал тела от проказы. Грех – лишать себя жизни, дарованной свыше.

Антоний не шевелился.

– Помоги ему, Ричард! – Магеллан кивнул плотнику.

Вдвоем они легко подняли священника, вынесли наружу.

* * *

Несостоявшийся капитан Хуан Себастьян Элькано, разжалованный из штурманов в рядовые, вместе с сорока мятежниками выполнял в цепях самую тяжелую, грязную работу. Для офицера и дворянина, это было вдвойне унижительно. Вчерашние подчиненные нагло смотрели на кормчего, насмехались, отталкивали от котла с похлебкой. Не обошлось без драк. Сломить баска не удалось. Судьба не раз смеялась над ним, возносила на гребень удачи, швыряла в бездну, откуда благодаря незаурядным способностям, завидной воле и тщеславию ему удавалось выбраться, по горло наглотавшись мерзости. Элькано не выделялся физической силой, но был жесток в драках, отчего у врагов не возникало желание издеваться над ним. Как подобает настоящему моряку, офицер оказался хитрее и выносливее вчерашних мужиков. Его авторитет среди лишенных должностей и званий колодников возрос. Так сильные собаки подчиняют себе слабых животных.

Победители щадили самолюбие Себастьяна, помнили его происхождение, считали своим, хотя и оступившимся, а не «человеком с бака», что на языке знати характеризовало простолюдина. Перейти с бака на ют – не пробежать сотню шагов по палубам и лестницам, нагибаясь и перескакивая через канаты. Для этого часто не хватало целой жизни. Если кто-нибудь поднимался на мостик, то в первую очередь тот, кто уже стоял на нем. Баск обладал завидной способностью ладить с людьми в любом положении. Выказывал уважение офицерам, был исполнителен и трудолюбив, не раздражал осужденных, умел повелевать, заставить сделать по-своему. Его назначили десятником, поручили наблюдать за колодниками, распределять продукты. Последнее имело особое значение, ибо командовал кормилец.

Иногда заключенных использовали на общих работах, где они трудились наравне со всеми. Когда на «Консепсьоне» открылась течь, адмирал принял решение вытащить корабли на берег, очистить от водорослей, раковин и древоточцев, просмолить, проконопатить корпуса. Начинать следовало с каравеллы Элькано, грозившей затонуть прямо в бухте, и «Сант-Яго», чтобы с весенним теплом послать его на разведку к Южному полюсу.

Читателю нужно обратить внимание на необходимость капитального ремонта судов для продолжения экспедиции. Исследователи упускают из виду, что если бы партии Картахены удался мятеж, то корабли, в том состоянии, в котором достигли бухты Сан-Хулиан, могли не дойти до Испании, погибнуть в океане. Отчасти зимовка объяснялась потребностью ремонта судов. Здравый смысл осуждал торопливость, безрассудный риск. Часть офи-

церов и моряков понимала это, встала на сторону Магеллана или заняла нейтральную позицию, способствующую победе командующего.

Под присмотром канониров кандальники снимали тали. Из рымов по бокам лафетов и портов вытаскивали блоки с гаками, жирно мазали салом веревки, чтобы не гнили от влаги. Мощные тросы – брюки, удерживающие орудия у бортов после выстрела при откате, – свивали в бухты, укладывали в пустые бочки от провизии. Освобожденные от пут пушки разбирали на части. С цапф, цилиндрических приливов на стволах орудий, утопленных в щеках лафета, на которых качались стволы при наводке на врага, снимали железные накладки полукруглой формы. Навалившись скопом, кряхтя и ругаясь, поднимали стволы над лафетами, укладывали в ряд на палубе. Затем на тросах, накинутах петлями на дуло и на смерть закрепленными за цапфы, осторожно опускали за борт в ожидавшую лодку, где с полдюжины бунтарей гремели цепями, тянули вверх руки.

Плескалась холодная вода, гулко стучали по промерзлым доскам палубы окованные железом дубовые колеса лафетов. Таяли в тумане резкие крики чаек, пытавшихся прорваться сквозь сеть поникшего такелажа. Из трюма через люки слышались отдельные слова, скрежет укладываемого в ящики железа, удары молотков плотников, менявших на плаву подгнившие доски, – шла обычная работа.

Ганс Вург попыхивал трубкой у опустевшего лафета, наблюдал за матросами, укладывавшими ствол на дно лодки.

– Я плаваю двадцать лет, – сказал он Элькано, – но такой суеты не встречал. То мы куда-то спешим, забываем набить зверя и всласть помолиться; то чиним корабли под парусами, рискуем испортить товары; то воюем друг с другом, а потом, не успев помириться и залечить раны, принимаемся за работу. Отец Антоний правильно говорит: «Все – суета!» Пришла пора подумать о душе.

– Тебе бы проповедником стать, а не канониром, – пожелал ему баск. – Мне в такую погоду хочется есть, а не молиться.

– Погода – дрянь, – согласился немец. – Заготовители вернутся с пустыми руками, зря гоняют шлюпку. Сейчас она бы нам пригодилась.

– Дядя Ганс, что делать с лафетом? – подскочил юнга в распахнутой на груди ватной куртке.

– Смажь жиром! – велел канонир и неторопливо сунул желтый костяной мундштук в прокуренные зубы, притянул юношу к себе, зашнуровал куртку— Не суетись, а то простынешь, как Глухой! Господи, спаси его и помилуй!

– Жарко, – дернулся в сторону Педро. – Глухой на охоте упал в воду, возвращался домой в сырой одежде.

– Знаю, – пробормотал немец и погрозил пальцем.

– Молодой, горячий... – улыбнулся Элькано, глядя вслед убежавшему юнге. – Я в его годы ходил на баркасе к Ньюфаундленду за треской, дрался с англичанами и французами. Иногда на отмелях завязывались настоящие сражения по правилам военного искусства. Море серебрится от косяков рыбы, а северяне палят в нас из пушек. С правого борта англичане, с левого – французы, мы ползем, жалко бросить сеть. Одни матросы молятся со страху, другие от злости стреляют из пушек – у нас две штуки было, – мне смешно, весело. Капитан драл меня за это. Я сильно обижался, сейчас думаю – зря. Опытный моряк был, царство ему небесное! «Их корабли болтаются на волнах, метко не прицелятся, – успокаивал трусливых, – а мы прикованы к рыбе, твердо сидим, нам легче палить!» И впрямь попадали.

– Неужели топили? – не поверил канонир.

– Всякое бывало: либо они нас, либо мы их. – Он повернулся к белевшему в мутной пелене над ряями солнцу, подставил лицо задувшему ветерку— С юга несет, холода идут – к ясной погоде.

– Сколько вы плавали во льдах?

– Три года, потом попал в навигационную школу, стал штурманом. Затем началась война с итальянцами, водил корабли в Валенсию. Через два года отправился в Северную Африку. И понесло... Ты воевал в Европе?

– За итальянцев, против вас, – спокойно заметил Ганс— Мне хорошо платили. У них города враждуют между собой, наемники кочуют по областям туда, где больше платят. Побродил по Италии, насмотрелся на кровь, на мерзость людскую. Чего ждете? – крикнул морякам, закончившим укладку стволов на дно шлюпки. – Везите на берег, да живее! Капитан велел к вечеру закончить. Беда с ними, – пожаловался штурману, – не хотят работать в цепях.

– Ты бы сам поносил, – ответил баск, разглядывая свои потертые руки. – Их вина в том, что хотели уплыть к женам.

– Кто вас разберет? – вздохнул немец. – Желание у всех одно, но клятву только вы нарушили. Просите помилования у Всевышнего, – он ткнул трубкой в небо и обратил внимание на белое размытое солнце. – Холода идут? Вода в заливе не замерзнет? – Элькано пожал плечами. – Неужели врассте́м во льды?

– Не думаю, – успокоил штурман, – залив велик.

– Гребите к берегу! – велел канонир медлившим в шлюпке кандальникам.

Они нехотя отчалили от борта. Плеск весел, легкий звон цепей растворились в тумане. Немец постучал догоревшей трубкой по бруссу, сплюнул в воду, направился разбирать следующее орудие. Элькано прислушался к возне в трюме, посмотрел на моряков, опускавших бизань-рей, снятый с оголенной мачты. Серые в разводах паруса просушили, залатали, спрятали до весны в мешки. Мертвые мачты с провисшими вантами поскрипывали в такт качке. На флагштоке за кормой свисал выпцветший полинявший вымпел. Штурман не любил капитальные ремонты, когда с кораблей снимали все, что можно вывезти на берег или соседнее судно, чтобы облегченный корпус на катках вытащить на сушу. Раздевание каравеллы, ее разорение, вызывали грусть.

С воды донеслись песни, хохот, скрип уключин. Показалась переправлявшая продовольствие шлюпка «Сан-Антонио». Запасы провизии боялись выгружать на берегу, чтобы не подманивать диких зверей, способных за ночь растащить покойника по косточкам. Под навесами из жердей и парусины складировали в основном металл и древесину. Большие дома, в которых планировали уложить добро и поселить людей, из-за скудости леса построить не удалось. Лодка с размаху стукнулась в борт «Консепсьона». Боцман Диего Эрнандес повалился на руки моряков.

– Порка мадонна! – выругался он, поднимаясь на ноги и придерживая обмотанную вокруг шеи тряпку— Эй, «зачатники»¹, – хрипло пробасил Диего, бухая кулаком в обшивку борта, – тащите бочки! Мы сохраним их до весны! – и пьяно захохотал, а за ним гребцы, уговорившие баталера выдать сверх нормы по кружке. – Куда вы делись? – тарабанил кулаком, словно в запертую дверь трактира. – Сеньор Карвальо! – позвал руководившего разгрузкой кормчего. Голос сорвался на сиплый шепот. Заметил на палубе Элькано, потянулся к шапке, да вспомнил о нынешнем положении штурмана, помахал рукою.

Из трюма по лестнице выкарабкался с полными карманами сухих фруктов маленький Хуан, в ворохе теплой одежды с чужого плеча похожий на медвежонка. Знать и ему в сутолоке работ счастье привалило!

– Сейчас отец подойдет, – важно сказал он, ложась грудью на борт и жуя грушу— У тебя горло заболело? – Боцман кивнул. – Выпей на ночь горячего вина с перцем! – посове-

¹ Консепсьон (*исп.*) – святое зачатие.

товал Хуан. – Если жар захватит грудь, натрись тюленьим жиром со скипидаром. Меня так отец лечил.

– Вина нет, – сипло пожаловался Диего.

– Врешь, ты пьешь его холодным! – решил Хуан, разглядывая помутневшие глаза боцмана. – Тебе станет хуже, – подражая голосу отца, наставительно произнес он.

– Точно, – согласился боцман, не решаясь при ребенке болтнуть лишнего.

– А мне сеньор Акуриу груши дал, – похвастался мальчик.

– Дай одну! – попросил Диего.

– Нет, – замотал головой Хуан. – Вы cedите вино из наших бочек.

– Зачем оно нам? – опешил боцман, но мальчишка убежал в кубрик.

– Эй, на лодке! – послышался голос второго канонира. – Причаливай к погребу, порох загрузим!

Рослый Ролдан де Арготе протянул канат.

– Мы пришли за вином, – сообщил Диего. – Шлюпка Бальтасара тащится позади.

– Я думал, вы с «Сант-Яго», – канонир убрал с продолговатого лица раздражавшие волосы, спрятал под синий берет. – Поторопи его, Диего!

– Кто приплыл? – из трюма высунулась кудлатая голова Жуана ди Акуриу— К тебе, Ролдан? – боцман стряхнул с рубахи стружки.

– Твои подошли.

– Наконец-то, – проворчал Жуан, подтягивая штаны. – Это ты, Диего? – крикнул за борт.

– Давай, толстяк, грузи! – ответили с воды.

– Каналья! – выругался двадцативосьмилетний боцман. – Чтоб тебе... – но не придумал и приказал: – Франсишку кати с Баскито бочки к борту! Позови Эрнандо!

– Эрнандо ушел к канонирам, – на палубу выбрался португалец лет на десять старше боцмана, – а Баскито сидит в гальюне. Он стянул кусок окорока и ни с кем не поделился. Бог покарал шельму, – радостно донес старший матрос.

– Тьфу, собаки! – выругался Жуан. – У кого воруете? У себя! Вам же будет жрать нечего.

– Молодой еще, не понимает, – заступился португалец. – Позвать?

– Пусть сидит. Чтоб ему... – на сей раз придумал, но уж слишком обидное. – Ролдан, пошли сюда Эрнандо! – попросил канонира и скомандовал в люк: – Лодка пришла, все наверх!

Матросы гурьбой высыпали на палубу. Опустили грот-рей, нацепили на нок блок с крюком, на веревках загрузили в лодку бочонки, ящики, мешки с фруктами. Боцман суетился, проверял крепежи, выкрикивал советы Диего. Тот сначала огрызался, потом стал делать все наоборот. От обиды Акуриу больше не заглядывал за борт, командовал наверху.

– Куда пропал Эрнандо? Чтоб ему... – горячился боцман. – Кого я пошлю с душегубами?

– Початую бочку с солониной спускать? – подскочил Франсишку.

– Заколоти, пока не растащили. А, явился, ворюга, – Акуриу заметил Баскито. – Штаны подтянул? – Парень кивнул. – Напрасно, сейчас выдерем за кражу.

– Я только попробовал самую малость, – оправдывался матрос.

– От «малости» не понесло бы на бак! – отрезал боцман. – Мартин, где Мартин? – закричал в трюм.

– Тут я, – глухо бухнуло снизу.

– Сыпь щенку двадцать плетей по заднице!

– За что? – поинтересовался стражник.

– Он расскажет. Не жалея, я проверю! – Баскито понуро побрел к люку— Стой, дурак, вечером получишь, а сейчас иди работай!

– Лодка ждет сопровождающего, – подбежал португалец. – Кого пошлешь?

– Сеньор Элькано, – сообразил боцман, – помогите, ради Христа! Надо сдать товар Мафре по описи, а цирюльник пропал, каналья. Прочие читать не умеют. Я бы сам, да дел по горло.

– Ладно, – согласился кормчий, – предупреди Карвальо, что я уплыл на «Сан-Антонио».

– Слава Христу! – обрадовался Акуриу— Вас не задержат на корабле, через полчаса вернетесь.

«Бух-бух...» – застучали веслом по борту.

– Хуан, мы уходим, – послышался голос Диего.

– Постой, – воскликнул боцман, – с вами сеньор Элькано поплывет!

– Зачем?

– Вместо Эрнандо.

– Ты мне не веришь?

– Карвальо требует опись.

– Сам бы и плыл.

– Не нам решать, – примирительно закончил Акуриу— Офицеры разберутся.

– Какой он теперь офицер? – пробурчал Диего, однако, спорить не стал, помог кормчему спуститься, усадил на почетное место.

Лодка мягко отошла от «Консепсьона».

– Где тебя носит, клистир проклятый? – донеслось с палубы из тумана. – Пришлось вместо тебя кандальника послать. Иди в трюм, грамотей! Еще раз сбежишь, Мартина позову! – пригрозил боцман.

Плыли молча. Маленькое белое солнце светило над головой. Туман редел. Сквозь мутную пелену проступали очертания берега, силуэты кораблей. Тяжелогруженная лодка ровно скользила по спокойной воде, оставляла позади разбегающийся след. Колыхалась серая вода, мерцала стальным блеском, переливалась за кормой насыщенным зелено-голубым цветом. Сырой промозглый воздух проникал под плащи, стекал влагою с побуревших бортов, пах морем и снегом. Туман уходил на север за холмы, оголял и раздвигал ширь залива.

«Сан-Антонио» без парусов выглядел ниже и меньше размером. С носа и кормы судно держали по паре якорей, у бортов качались веревочные лестницы. На палубе пусто. Матросы с утра уплыли на берег заготавливать дрова, помогать мастеровым. Лодка причалила к борту.

– Вахтенные! – закричал Диего, сорвал голос и захрипел. Поморщился, потер тряпку на горле. – Крикни! – приказал шепотом матросу.

Тот громко позвал, ему не ответили. Осторожно вставляя ноги в петли лестницы, боцман нехотя полез вверх по скользкому борту. Застучали сапоги по палубе. Стихло. Гребцы переговаривались вполголоса. С кормы слышались шаги. Над поручнями выглянул Эстебан Гомес.

– Капитан пожаловал? – узнал он баска.

Элькано отвернулся.

– Послали список проверить, – пояснил боцман.

– Вижу, не командовать! Ты зол на меня, Себастьян? Брось, всякое бывает! Впрочем, я не навязываю тебе дружбу. Дуйся, сколько хочешь! А лучше поднимайся ко мне, накормлю похлебкой.

Элькано гордо разглядывал бухту.

– Дважды предлагать не буду. Наша еда лучше арестантской.

На палубе появились матросы, заскрипело подъемное устройство. Бочонки загремели по доскам. Работа спорилась. Из каюты вышли сытые кормчие Мафра и Сан-Мартин, пальцами ковырявшие в зубах.

– Чего сидишь, Себастьян? – позвал Сан-Мартин. – Лезь к нам!

– Бочки проверяю, – сухо ответил кормчий.

– Не пропадут, – поддержал Мафра. – Сколько возьмем, столько и отдадим, еще своих добавим, ведь основное продовольствие у нас, – похлопал рукой по борту, как по полному животу. – Давай быстрее, пока суп не остыл! – добродушно пригласил баска.

– Запиши в счетные книги, – заколебался Элькано, глотая слюну и прислушиваясь к голодному желудку.

– Сочтемся, – согласился Мафра. – Погости у нас до вечера, потом мы отправим тебя на «Консепсьон»! – предложил штурман. – Сыграем в карты, кинем кости...

– Весело живете, – не желая того, баск поднялся со скамьи.

– Не жалуемся. Наша очередь ремонта не скоро наступит. Вы-то много черпаете?

– Качаем ведрами, – вновь садиться было неловко, Элькано направился к лестнице.

– Сильно течет, – посочувствовал Сан-Мартин, – нет людям покоя. Гремя цепями, кормчий неуклюже взобрался на борт.

– Похудел, – Мафра оглядел гостя с ног до головы. – Челюсть торчит, на щеках косточки выступили. Болел?

– Немного.

– Грудница?

– Простуда.

– Пошли, расскажешь в каюте!

– Диего, – вспомнил Хуан, – передай на корабль: мы задержим арестанта. Он поработает здесь до вечера.

И повел Себастьяна в теплое нутро каравеллы.

Глава II

Заготовители

Давя чавкающий под ногами рыхлый снег, маленький отряд с «Тринидада», в кожаной одежде и полудоспехах, под предводительством молодого Гальего пересекал плоскую равнину, огороженную низкими холмами. Разведчики походили на оловянных солдатиков, бредущих по чистому фарфоровому подносу. Они шли долго и утомительно. Липкий мерзкий пот тек из-под шлемов по лицам, раздражал под фуфайками немые тела. Утратившие парадный блеск мечи мешали движению, копья волочились по земле, цеплялись за камни. Большую неприятность доставляли щиты. Их вешали на мечи и копья, клали на плечи, тащили на руках, привязывали за спиной, гроздьями нанизывали на копье, и двое солдат, сгибаясь под ношей и стараясь ступать в ногу, плелись за остальными; отчаявшись, бросали на землю, волокли на ремнях. Щиты не скользили, вгрызались в мягкий снег, вязли. Еще несли аркебузы, два тяжелых мушкета с упорами, запас продовольствия и кастильское знамя, чтобы попутно присоединять к Испанской короне бесчисленные сахарные холмы с редкой колючей растительностью.

– Больше не могу! – взмолился Леон. Он снял морион, протер взопревшее лицо. Короткие черные волосы итальянца блестели капельками пота. – Здесь нет людей, зря ищем туземцев. – Матрос взял пригоршню снега, с удовольствием пососал, облизал пальцы, поймал стекавшую влагу.

Васко поднял руку. Дюжина людей повалилась на землю, беспорядочно расшвыряла оружие.

– Отшагали две лиги, – с гордостью или с сожалением заметил старший по возрасту Эрнандес, выпячивая тупую челюсть и скребя поседевшую бороду.

– Три, – вздохнул Сантандрес – Ходим кругами вокруг залива, а что толку? Лучше бы поплыли в море за зверем. – Матрос расстегнул ремешки, снял нагрудник. – Хоть убей, – сказал командиру, – назад налегке пойду!

– Есть тут индейцы, – Гальего устало посмотрел на Эрнандеса, собиравшегося последовать примеру приятеля. – Звери вокруг пуганые, убегают от нас. Они знакомы с человеком! Если дикари выскочат из-за холмов, ты не успеешь надеть доспехи, – предостерег Сантандреса.

Солдат внимательно оглядел соседние сугробы.

– Далеко, – решил он.

– Стрела быстро летит, – возразил Леон и, подражая полету стрелы, свистнул, раскинул руки, повалился на спину.

– Чтоб тебя... – Эрнандес торопливо перекрестился. – Наговоришь, болтун!

– Какая красота! Душа возносится к Богу, – блаженно произнес итальянец, глядя в голубое небо. – Ангелы топ-топ по облакам... Дева Мария спрашивает: «Чего дураки прут по снегу, потеют в доспехах? Воевать собрались?» – «Нет, – говорит архангел Михаил, – открывают новые земли, ищут золото». – «Сидели бы на корабле, жрали «гусей», запивали разбавленным вином, весну дожидались», – советует Мадонна.

Он закрыл глаза, замолчал.

– Подмышки натер, – пожаловался Сантандрес, оттопыривая одежду и помахивая локтями, будто крылышками, – нагрудник маловат.

– Постучи камнем, выгни по размеру, – посоветовал Хинес – Мне Родриго в кузнице все железки подогнал.

– Хинес, бабахни из мушкета, – сонно пропел Леон. – Индейцы сбегутся на чудо поглядеть.

– Не смей попусту палить! – запретил Васко. – Туземцы перестанут бояться ружей.

– Леон, чего тебе ангелы сказали? – поинтересовался Сантандрес. – Дева Мария красивая?

– Как твоя жена.

– Ты не видел ее, – радостно упрекнул матрос.

– Зато наслушался на десять лет вперед, – вяло произнес итальянец.

– Леон, – тормозил Сантандрес за ногу приятеля, – а трон у нее золотой?

– Алмазный. Отстань, спать хочу, – возмутился тот.

– Алмазный, – блаженно повторил матрос, уносясь мыслями в Испанию.

– Мы обязательно найдем людей, – уверенно произнес Васко. – Вчера охотники опять встретили загадочные следы двуногих существ.

– Наверное, великаны, – предположил Сантандрес— Если они нападут, броня не поможет, а мечами и копьями только разозлим.

– Поэтому нам дали порох, чтобы отпугнуть огненным боем, – ответил Гальего.

– Не нравится мне наше занятие, – признался Хинес— Зачем искать великанов? Их без пушек не победить.

– Господь даст – не встретимся! – пробурчал солдат, державший на коленях знамя. – Хоть трудно с оружием бродить, все же легче, чем хворост собирать. Я целую неделю маялся с кандаляниками.

– Зачем пошел, – упрекнул Гальего, – коли от встречи бежишь?

– Я не прячусь. Мне бы целым вернуться, а с дикарями воевать или с великанами – один черт!

– Не хочется, – согласился Хинес— Васко, пойдем назад, – осторожно предложил португальцу— К ужину вернемся.

– Погоди, рано еще, – заартачился командир. – Солнце только начало клониться к земле.

– Мы не спеша, с передышками... – искушал Хинес— Не приведи Господь в темноте заблудиться!

– Лигу пробежим, – замотал головой Гальего, – затем повернем к берегу.

– У-у... – разочарованно промычал Эрнандес— Через лигу вы понесете меня на руках.

– Положим подыхать, – отрезал Васко, оглядел отряд и громко сказал: – Пора вставать, штаны промочим! – Повернулся к Эрнандесу и добавил: – Не хнычь, надевай железяки!

– Дай отдохнуть еще чуточку, – взмолился Хинес— Посидим немного, потом лигу отмерим – и баста!

Он поднялся, подложил под себя щит, сел удобнее, начал разглядывать холмы.

– Над морем висит туман, а здесь чистое небо, – удивился солдат со знаменем, – совсем как в Нидерландах, где люди катаются на ножах по замерзшим каналам.

– Как это? – заинтересовался Эрнандес.

– Полозя у санок видал?

– Да.

– Вот такие куют на ноги, привязывают веревками и бегают, как скороходы!

– Ты пробовал? – сомневался матрос.

– Горе одно, лоб расшибешь... А у них даже девки катаются.

– Тихо! – прошипел Хинес— Великан!

– Шутишь, – отмахнулся Эрнандес.

– На холме, – протянул руку матрос.

Васко мигом приподнялся и заметил похожее на человека волосатое чудовище. Великан с дубиной в руке разглядывал испанцев. Оторопевшие солдаты не шевелились.

– Вон еще один, – тоже шепотом сказал стражник, показывая на соседний холм.

Косматые чудища приблизились на полет стрелы, остановились. Испанцы отчетливо видели крепкие бочкообразные тела, толстые волосатые прямые ноги, украшенные яркой краской человеческие лица. Вид заросших шерстью чудовищ вызывал ужас. Солдаты сидели на снегу, заморожено наблюдали за дикарями.

– Боятся нас, – облегченно вздохнул Хинес.

– Такой дубиной можно камни дробить, – произнес солдат. – Щит вдребезги разлетится.

– Ноги по два пуда, не меньше! – подивился Эрнандес.

– У тебя мушкет заряжен? – забеспокоился Васко.

– Утром засыпал сухой порох, – пробормотал солдат.

– Хорошо, очень хорошо, – нервно повторил Гальего.

– Что хорошего, коли фитиль не запалить?

– Я пальну, – предложил второй пехотинец.

– Успеем, – решил командир. – Стреляй, если в драку полезут!

Великаны недоверчиво изучали людей. Вперед не шли, назад не пятились. Один посыпал голову снегом, начал медленно кружиться, притопывать ногами.

– Танцует? – догадался Хинес.

– Колдует, насыпает порчу, – возразил португалец. – Ишь, чего задумал!

Приплясывая и посыпая голову снегом, великан направился к разведчикам. Сородичи чудовища столпились на холме, грозно выставили вперед дубины.

– Да поможет нам Бог! – перекрестился Эрнандес.

– Эй! – воскликнул Васко и вскочил на ноги.

Великан замер, попятился к сородичам. Солдаты заметили испуг, поднялись с оружием. Дикари спрятались за холмы.

– Стой! – закричал Гальего и, забыв о мече, пустился вдогонку— Стой! – тяжело дыша, орал изо всех сил, вязнул в рыхлом снегу.

Воины поспешили за ним. Несмотря на грузный увесистый вид, великаны легко убежали от закованных в броню испанцев. Широкие провалы в снегу – следы ног волосатых чудищ – уходили за холмы. Перегоняя друг друга, крича и размахивая пустыми руками, разгоряченные солдаты неслись за командиром. У холмов они выбились из сил, остановились. Только тут благоразумие вернулось в головы.

– Нельзя бросать оружие, – проворчал старый солдат, забывший на равнине знамя. – Вдруг наверху засада?

– Думаешь, заманили? – Вашко ослабил ремешки на боках нагрудника.

Солдат плюнул с досады, повернулся к черневшим на белоснежной тарелке поля копьям, мечам, щитам, мушкетам и прочей амуниции.

– Что случилось? За кем гнались? – подоспел задремавший итальянец.

– Ангелы приходили, – усмехнулся Эрнандес, – вот с такими дубинами!

– Не шути.

– Без крыльев, с рыжей шерстью. Ножищи, как бревна! – показал на следы.

– Ого! изумился Панкальдо. – Две моих войдет.

– Надо возвращаться, – посоветовал солдат, – пока стадом не нагрянули и не захватили оружие.

– Правильно, – одобрил его мнение Хинес— Глупо все произошло. Зачем ты закричал? Поплясал бы великан, подошел к нам – ничего бы один не сделал.

Португальцу стало стыдно за свою горячность, за неумение командовать, за то, что покинул стяг с оружием, за потерю которого адмирал может казнить.

– Приготовьте мушкеты! – приказал он солдатам. – Я погляжу, что скрывается за холмом. Может, мы нашли город или деревню.

– Опасно, – Эрнандес недовольно покачал головой.

– Возьми меня с собой! – попросил итальянец. – Я тоже хочу посмотреть на великанов.

– Успеешь, – Эрнандес потянул его к себе.

– Нет, я пойду с ним, – упорствовал Леон.

– Там Дева Мария не поможет.

– У нас нет мечей. Они поймут, что мы не хотим воевать.

– Не дури, парень! – прикрикнул солдат.

– Идем, – согласился Гальего. – Ждите нас до вечера. Если не вернемся, возвращайтесь одни!

– Послушай, Васко, – предложил Эрнандес, – давай завтра возьмем две дюжины солдат и поищем деревню. Великаны живут где-то рядом.

– Вояки! – зло кольнул солдат. – Я говорил, что нельзя поручать матросу командование отрядом, – повернулся и пошел к оружию.

– Сам-то чего бежал? – обиделся Эрнандес.

– Глядя на вас, ума лишился.

– Мы вернемся через два часа, – пообещал Гальего, направляясь к холму.

Панкальдо потянулся за ним.

Разведчики осторожно взобрались на гору. Они не боялись стрел: доспехи надежно предохраняли спину и грудь, толстая воловья кожа защищала ноги, шлемы скрывали головы. Но неожиданно брошенное копье могло причинить серьезное увечье. Следы туземцев ниточкой спускались в ложину петляли меж колючих кустов, прятались за соседние холмы. Заснеженное пространство без признаков человеческого жилья расстилалось перед матросами. Позади них разбившиеся на кучки испанцы плелись за солдатом. Солнце клонилось к западу, отчего золотилось, а небо набухало синевой. Тишина разлилась по сахарной равнине, лишь истоптанный край поля напоминал о туземцах. Перекрестившись, Гальего смело шагнул вниз.

* * *

Когда туман рассеялся, заготовители увидели слева от лодки низкий каменистый берег, покрытый снегом с завалами льда, справа – сонный океан. Его поверхность лениво шевелилась, приподнимала ноздреватые льдины с голубыми полосами. Вода обсасывала мучнистые куски, лизала прозрачные бесцветные бока, блиставшие под лучами желтого солнца. Лучи преломлялись во льду, вспыхивали цветами, играли радугой. Люди не замечали красоты. Вонзая стальные жала багров в размягченные льдины, хрустевшие под ударами крючьев, моряки напрягались всем телом, расчищали проход, защищали лодку от пробоин. Напуганный шумом зверь уходил на дно, всплывал позади шлюпки, и нельзя было достать его гарпуном. Люди старались плыть тише, но багры гремели о борта, ноги стучали по пайолу весла натывались на осколки льда. Охотники скользили по сырому настилу, падали на дно лодки.

– Правь к берегу! – приказал рулевому боцман Мигель де Родос, тридцатилетний севилец выше среднего роста, с чистым безбородым лицом и русыми волосами. – Поищем зверя на берегу.

– Давно пора, – поддержал его худой длинноногий баск Педро де Толоса.

Темный курчавый Николай (по прозвищу Грек), в двадцать семь лет завербовавшийся старшим матросом, повернул шлюпку на скалы.

– Но-но! – погрозил боцман. – Круто берешь.
– Там заводь, – пояснил Николай.
Мигель повернулся, прищурил светлые глаза:
– Ничего не вижу. Куда ведешь, душегуб?
– У Николая глаз зорче твоего, – наваливаясь на весло, сказал Диего Кармона. – Я заметил – ты не видишь вшей.
– Наскочим на камни, что тогда?
– Выдерем его, – рассудил Диего.
– И тебя вместе с ним, чтоб не заступался.
– И меня, – согласился матрос.
– Пора поесть, – прервал спор баск и покосился на боцмана. – Нам выдали сухари.
– Не заработал еще, – возразил Мигель.
– Давай сразу съедем!
– По куску на брата, если застрянем во льдах, – объяснил боцман.
– Не застрянем, – решил Педро.
– Успеем! – Мигель прижал сумку к ногам. – Убьем зверя, сварим похлебку, а это добро не будем переводить.
– Господь осуждал жадность, – баск проглотил обильную слюну— Дай хоть крошечку!
– Отстань.
– Внутри крутит, – взмолился Педро.
– Ты тощий, а ешь за двоих, – упрекнул Мигель.
– Разве я виноват, что от холода хочется кушать?
– Скоро пройдет. Сильнее гребь – согреешься!
Педро продолжал выпрашивать сухари, но боцман отвернулся и замолчал.
– Люблю похлебку, – мечтательно произнес Диего. – Мясом пахнет, пар идет... Бро-
сишь лавровый листик, а запах! – шумно потянул носом воздух.
Матросы почувствовали вкус варева.
– Надо добавить крупы, – посоветовал Филиппе, приносясь крупным носом к супу и глядя подслеповатыми глазами на боцмана.
– С крупой вкуснее, – одобрил Диего.
– Соли не забудь, – уныло вспомнил Николай.
– И луку, – подсказал Филиппе.
– Осенью лук съели, – вздохнул баск.
– Тогда почисти чесночок, – предложил Филиппе.
– Чеснок помогает от скорбута, врачи берегут его, – отказался Диего.
– Нам бы головку, – жалобно произнес Педро.
– А вина хочешь? – улыбнулся Диего.
– Хочу, – признался Педро.
– В корме полный анкерок.
– Врешь, там вода.
– Сам видел, как баталер наливал. Правда, Мигель?
– Правда, – кивнул боцман.
Забыв весло в уключине, Педро пополз на четвереньках в корму. Друзья захохотали.
Матрос поднялся на ноги, вернулся на место.
– Не стыдно тебе? – пристыдил сидящего рядом Диегу.
– Нет, – простодушно промолвил испанец.
– Кушать хочется... – заныл баск.
– Снимешь похлебку с костра, – продолжил Диего, – в котелке булькает, шипит...
Крышку откроешь...

– Перестань! – взмолился Педро.

– Не зуди! – возмутился Мигель.

У берега льдины встречались чаще, образовали у кромки воды белые живые поля, шевелившиеся на поверхности океана. Льдины сталкивались, терлись краями, крошились на мелкие прозрачные куски, расползались, создавали плавучие острова, выходили на песок, оседали и таяли. Слышалось легкое постукивание, хруст, плеск воды, поглощавшей куски льда, снизу прозрачного, а сверху мутного, со снежными шапками. Поднимавшаяся приливная вода выносила глыбы на берег, где они срастались на камнях в причудливые монолиты. Между ними набивалась масса мелкого льда, образовывала заторы, неровные стены с диковинными башнями сказочных крепостей. Среди фантастических нагромождений попадались припорошенные снегом и утопанные птичьими лапами ровные площадки.

Ледяной город искрился светом. Белизна слепила глаза, растекалась по побережью. Голубоватые, зеленоватые, розоватые изломы вспыхивали в лучах низкого солнца. На снегу темнели спинки пингвинов, занятых чисткой шубок, размахиванием крылышек-плавников, выяснением отношений с соседями. При приближении лодки «гусята» гурьбой бежали на край льдины, ныряли в воду, пронизанную коричневым цветом галечного дна.

Иногда на открытых пространствах попадались тюлени, лениво возлежавшие стадами, реже – по одному или парами. Вожак поднимал головы, ревели, шевелили усами, будто принимавались. Месячное общение с людьми научило их осторожности. За непуганым зверем моряки уплывали далеко от залива, где первые дни охотились на берегу.

Заготовители заметили стадо, повернули лодку, начали пробиваться через льдины в бухточку рядом с ним. Тюлени спокойно глядели на моряков. Шлюпка растолкала льдины, коснулась гравия, мягко зашуршала по камешкам, врезалась в грунт. Матросы выпрыгнули на берег, вытащили ее из воды. Достали со дна копыя и увесистые колотушки, обитые железными полосами с крупными шипами. Взвалили оружие на плечи, побрели вдоль кромки льда, стараясь быть невидимыми для стада.

Техника охоты выработалась простая. Следовало незаметно подкрасться к зверю и наброситься на него, не позволить уйти в воду. Моряки делились на группы по четыре-пять человек, накидывались на ближайшего зверя и забивали до смерти, не обращая внимания на панически бежавшее к океану стадо. Иногда на берегу оставались раздавленные взрослыми особями детеныши, их тоже забирали в лодку.

Подобравшись к «морским волкам», боцман подал команду. Здесь заканчивались льды, берег поднимался вверх, обнажал пологое пространство, где в двадцати метрах от воды грелись на солнышке звери. Мигель выбрал крупного тюленя, показал на него рукой, с криком бросился на стадо, будто штурмовал вражескую крепость. Поднялся переполох, мощные бурые тела пришли в движение. Переваливаясь на хвостах и лапах-плавниках, звери ринулись к воде. Ожило застывшее под снегом побережье, заревело, забурило волнами изгибающихся тел. Боцман подскочил к тюленю, изо всех сил на фут воткнул в него копые. Зверь отшвырнул человека и с торчащим в теле древком рывками кинулся вниз на подоспевшего с палицей Николая. Тот не успел хорошо замахнуться, слабо ударил его, – дубина выскочила из рук. Подбежавший Диего вонзил копые в спину тюленя, навалился на рукоять, попытался задержать его. Тюлень судорожно изогнулся, подпрыгнул, плюхнулся на землю, обмяк, отчаянно заревел, призывая на помощь сородичей. Люди обступили жертву, принялись беспорядочно избивать дубинами, колоть копыями. Зверь шевелился, тянулся к воде, до которой было несколько футов. Сгоряча боцман ухватился за хвост, намереваясь удержать тюленя на земле. Животное резко дернуло хвостом, легко освободилось, случайно сбило с ног Николая.

– Бей его, бей! – кричал боцман, – уйдет ведь!

Диего висел на копье, затруднял движения тюленя. Педро колошматил зверя дубиной. Филиппе без толку размахивал сломанным древком, суетился вокруг них. Охая и причитая, Николай копошился в песке.

– Брось палку, возьми дубину! – заорал Мигель на Филиппе. Однако сам схватил отлежавшую в сторону палицу Николая и бросился на тюленя.

– А-а! – завыл Педро, споткнувшись о камни и ударившись головой.

– Держи его, Диего! – умолял боцман, взмахивая колотушкой и с выдохом опуская на зверя. – А-ах!

Зверь дотянулся до воды, засунул в нее морду, поник. Тело вздрагивало под ударами, но тюлень не пытался уйти от убийц. Он умирал. Стадо покинуло побережье.

– Все, – выпрямился Мигель, когда удары стали вязкими. – Царство ему небесное!

– Чуть не упустили, – Диего отошел от копья.

– Если бы не ты – уплыл, – похвалил его боцман. – Олухи, колотушку поднять не могут! – погрозил кулаком Николаю с Педро.

– Без завтрака тяжело... – заскулил баск, растирая окровавленную голову.

– Сам бы попробовал устоять от такого удара – огрызнулся Николай, стряхивая песок с жестких вьющихся волос— В голове до сих пор гудит.

– Еще бы, она у тебя пустая! Зачем ты в лоб полез на него? Он бы раздавил тебя.

– Сам хорош – за хвост уцепился, – пробубнил Николай.

– Так ведь ушел бы!

– Не ушел, вон лежит.

– Хорош! – оценил боцман тюленя. – С таким не стыдно вернуться на «Викторию». Дюжину «гусят» нащелкаем и – заработаем по кружке.

– Дождешься, – хмыкнул Педро.

– Не сопи! Пригони лодку, разделаем тушу! Филиппе, помоги ему, ты без дела стоял!

– Копье сломалось, – шмыгнул носом матрос.

– Не оправдывайся! В следующий раз второе захвати, коль выбрать не умеешь!

Тюленя в воде разрубили топорами на части. Куски промыли, дали стечь крови, тщательно ополоснули, уложили в парусину на дно шлюпки. Внутренности отдали птицам и волкам, печень забрали с собой. Нарезали ее тонкими ломтями, круто посолили, ели с сухарями, запивали водой. Сытые и примирившиеся поплыли домой, весело вспоминая охоту. На белом раздавленном снегу остались густые пятна крови.

Глава III

В поисках индейцев

В маленькой штурманской каюте «Сан-Антонио» помещались две кровати, стол, пара табуреток. В затхлом воздухе пахло кислым потом, сырым деревом, резкими дешевыми духами. От похлебки в латунной супнице несло чесноком, специями, рыбным духом моржового мяса. На выщербленной дубовой поверхности стола валялись крошки сухарей. Окно тускло пропускало серый свет. Посреди каюты между лежанками, загораживая проход и чадя в закопченный потолок, стояла на табурете жаровня с красными тлеющими углями. От чугунной чаши растекался легкий аромат ладана, специально брошенного в огонь. На дощатых стенах в петлях и на полках лежали и висели навигационные приборы, дорогое оружие, парчовые и бархатные покрывала. Под кроватями в сундуках хранились личные вещи, карты, астрономические таблицы. Сан-Мартин составлял гороскопы для адмирала и членов экспедиции.

Зябко поеживаясь, Элькано протиснулся к жаровне, уселся на кровать, протянул руки к теплу. Желто-розовые зайчики запрыгали по цепям, белые тонкие пальцы наполнились кровью. Тепло разлилось по рукам, дохнуло в осунувшееся лицо с заостренными скулами, запуталось в короткой бороде. Штурман приняхивался и приглядывался, вспоминал свою каюту, откуда после мятежа его выгнали в трюм. Баска не торопили. Мафра приказал слуге принести чистую тарелку, пару сухарей, налить кормчему супа. Элькано чинно размачивал в бульоне сухари, обсасывал корки, наслаждался тишиной и уютом, вкусной офицерской пищей, приготовленной отдельно от матросского котла. Он съел полную миску. Ему дали добавки, затем перевернули супницу и вылили остатки. Кормчий насадил кусок мяса на нож, рвал его зубами, слизывал с ладони крупницы соли.

– Благодарю за угощение, – сказал он, стряхивая крошки со стола в руку— Давно у вас не был.

– Тяжело тебе? – спросил Мафра. – Чай, жизнь не в радость?

– Не жалуясь, – проглотив крошки, с достоинством ответил баск. – Работой не загружают, кормят хорошо.

– Вижу. Небось, били палкой?

– Причастил раза два.

– Ох, зверь! – возмутился штурман. – Совсем забыл о дворянской чести.

– Переживу, – Элькано потянулся к огню. – Они бы тоже его не пожалели.

– Это верно, – кивнул Мафра. – Я иногда думаю: если бы вы победили, то какая бы резня началась?

– Не было бы ничего. Ушли бы в Испанию, а он с Серраном здесь куковал. Что вспоминать? Сами виноваты. Разве можно воевать на пьяную голову? Я предостерегал Кесаду: нельзя пускать людей в погреба, пока дело не кончим. Так нет, пошел на поводу у черни, а она предала его.

– Что он мог сделать с голодными людьми? – заступился за капитана Сан-Мартин. – Его бы не послушали.

– Свободу почувствовали, песни запели, день потеряли, а Магеллан не дремал. Вывел корабли на ветер, почистил пушки, запретил пить, ждал. Я сразу понял, что мы проиграли. А-а... – баск махнул рукой, отогнал неприятные воспоминания. Кандалы зазвенели, и тогда он раздраженно промолвил: – Размазня, павлин, повел людей и бросил!

– Ты о ком? – не понял Мафра.

– Пусть гниет в трюме! – кормчий зло посмотрел на мерцавшие угли.

– Картахена? – догадался Сан-Мартин. – Ошибаешься, он разгуливает по кораблю. Магеллан не боится его. Инспектор пал духом, поблек. Капитан-генерал отдаст его на съедение волкам.

– Сам виноват! – упрямо заявил баск. – Не играй с огнем, коли не умеешь.

– Раньше Картахену держали с Санчесам де ла Рейной, – сообщил астролог – Они повздорили, священника заперли в чулан. Теперь живут порознь. Картахена стал тихим, а Санчес орет, грозит Судным днем. Затмение находит на него, никого не узнает, кидается на стены, рвет одежду, кусается. Свяжут – стонет и плачет, молится. По-разному люди ждут смерти. Ты бы видел его! Куда сила делась? Горбатый старик... Руки дрожат, поседел, еле держится на ногах. Выкарабкается на палубу, ляжет грудью на борт, глядит вдаль, словно готовится к смерти. А ведь его не били, хорошо кормили!

– Господи, спаси и сохрани! – перекрестился Мафра. – Конец у всех одинаков.

– Забыл я о них, – насупился Элькано, – не хочу вспоминать. Расскажите, что задумал капитан-генерал?

– Спроси у родственников! Все сам решает, суется в каждую мелочь. Лазит в трюм, считает мешки, нюхает продовольствие. Заржавели доспехи у солдата – трах по морде. Испортил плотник доску – деревяшкой по башке. «У меня, – кричит, – нет других. Где я возьму?» Надуется, губы выпятит, молчит. Один Барбоса ладит с ним.

– А как Мескита? – Себастьян отодвинулся от жаровни, прилег рядом со штурманом.

– Альваро знает толк в нашем деле, – похвалил Мафра. – Поощряет заготовителей, набил трюм солониной. Сам видишь: тепло, не мерзнем, не голодаем. При нужде со всеми поделимся. Иногда резковат, сорвется, накричит... Но не держит зла на душе.

– Повезло вам, – съязвил кормчий.

– Эстебан помогает ему, – не заметил насмешки штурман.

– Порою кажется, будто Гомес командует кораблем, – перебил Сан-Мартин. – Говорят, банкиры в Севилье прочили его на место капитан-генерала?

– Было такое, – подтвердил разомлевший от тепла и пищи баск.

– Что помешало? – заинтересовался астролог. Его тонкие женские брови вздернулись к атласной шапочке, щеки с редкими волосиками втянулись, глаза сделались крупными, темными, глубокими.

– Король не хотел видеть во главе экспедиции неизвестного португальца.

– А Магеллан? – удивился Мафра.

– У него были идея, карта, влиятельные родственники жены-испанки.

– Она лузитанка (португалка), – уточнил астролог.

– Тесть получил гражданство в Севильских землях.

– Это не довод, – замотал головой Мафра.

– Гомес может легко изменить королю, вернуться в Лиссабон и жить припеваючи, а Магеллан обижен Мануэлом, не простит ему унижений. У адмирала только один путь – на запад. Он добьется победы или умрет вместе с нами.

– Магеллан дружил с Гомесом?

– Да.

– Как же Эстебан подчинился ему? Почему не примкнул к Картахене? Ты разговаривал с ним?

– Предлагал подписать прошение. Он поставил закорючку, так что ничего не разберешь. Да ведь и вы подписывали, а что толку? Как ночью понесло на корабли, так в штаны наложили... Заперлись в каюте со слугами, ждали конца, чтобы присягнуть победителю.

– Год назад мы дали клятву! – жестко напомнил Мафра. – Прощение – не мятеж. Вы сами перегнули палку, она ударила вас.

– Зачем спорить? – растирая кулаками глаза, вяло сказал Элькано.

– Подай прошение, покайся, – посоветовал Сан-Мартин. – Хочешь, мы попросим за тебя?

– Не могу, люди перестанут уважать.

– Что тебе до людей? – уговаривал астролог – Совсем загнешься!

– Не-е... – сонно промычал баск. – Первые дни вызывал по одному, бил палкой, ремнем, чем попало, требовал кланяться, опускаться на колени.

– И тебя? – ужаснулся Мафра.

– Меня еще сильнее, – пробурчал засыпавший кормчий.

– Досталось бедняге, получил сполна, – посочувствовал астролог, помогая штурману уложить Себастьяна. – Сколько ему кандалы носить? Неужели так поплывет?

Мафра молчал. Они перевернули забывшегося сном баска на спину, стянули грязные башмаки, уселись напротив на кровать и глядели на него, вздыхая и покачивая головами. Из худой груди кормчего со свистом вырывался воздух, судорожно подергивались сжатые в кулаки руки с ободранной кожей и запекшейся кровью.

– У него есть наследники? – спросил Мафра, следя за шевелившимися пальцами ног.

– Рано хоронишь! – упрекнул Сан-Мартин. – Если Господь помиловал, то сохранит. Видать, ангел заступился, раз жив остался.

– Друг Кесады, доверенный Картахены – главный зачинщик смуты, – шепотом перечислил штурман. – Нет, не зверь Магеллан, коли помиловал. Другой бы казнил!

– Верно, – согласился астролог.

* * *

– Псалом пятьдесят седьмой, – торжественно произнес отец Антоний, приподнимая указательный палец правой руки, как делал в момент проповедей, – «Не погуби». «Писание Давидово».

Энрике запахнул старый хозяйский халат, надетый поверх грубых матросских штанов, сел на стул.

Монах вдохновенно начал:

– «Подлинно ли говорите правду, справедливо ли судите, сыны человеческие?

Составляете в сердце беззаконие, кладете на весы злодеяния ваших рук на земле.

Отступили нечестивые с самого рождения; заблуждаются от утробы матери, лгут.

Яд у них, как яд змеи, – глухого аспиды, затыкающего уши.

Не слышат они голоса самого искусного заклинателя.

Боже! Сокруши зубы в их устах; разбей львиные челюсти!»

– гневно произнес Антоний. Энрике боязливо прикрыл ладонью рот, засопел в руку. – Царь Давид грозит злодеям! – отвлекся священник. Малаец успокоился, но руки не отнял, так и сидел с зажатым носом.

«Да исчезнут, как протекающая вода.

Когда натянут стрелы, пусть они будут, как переломленные.

Убегут, как распускающаяся улитка; не увидят солнца, как выкидыш женщины.

Прежде, нежели ваши котлы ощутят горячий терн,
свежее и обгоревшее мясо, вихрь разнесет их.
Увидев отмщение, праведник возрадуется; омоет стопы
в крови нечестивого.
Человек скажет: "Подлинно вкушать плод праведнику! Есть Бог,
осуждающий на земле!"»

- Понравилось? – радостно улыбнулся Антоний.
- Нет, – замотал головой слуга. – О пальме Соломона мне больше нравится. Соломон любил много женщин, писал о них, а царь Давид грозит всем и жалуется.
- У Соломона – плотская любовь, а здесь – псалмы Господу. Перекрестись, окаянный! За такие мысли Господь накажет, – припугнул ученика монах.
- Энрике осенил себя знаменiem.
- Псалом номер пятьдесят восьмой тоже называется «Не погуби». «Писание Давида, когда Саул послал стеречь его дом, чтобы умертвить», – францисканец прочитал первую строку.
- За что? – прервал малаец.
- Священник подумал и наставительно произнес:
- Плохо служил хозяину.
- Разве у царя есть хозяин? – не поверил раб.
- Господь всем хозяин, – не растерялся Антоний.
- Кто такой Саул? – не унимался Энрике.
- Плохой вождь племени израильтян, – пояснил монах. – Замолчи и слушай:

«Боже мой, избавь меня от врагов, защити от восставших на
меня.
Укрой от людей, делающих беззаконие; спаси от кровожадных.
Сильные воины собираются на меня, подстерегают душу мою
безгрешную.
Без вины моей сбегаются и вооружаются...»

- За что? – не понял раб.
- За веру.
- За какую?
- Саул с придворными поклоняется языческим идолам, а Давид – Господу. Поэтому они ненавидят псалмопевца, хотят убить его.
- Коли боги плохие, их надо высечь плетью и кинуть на землю в холодное сырое место, как у нас в трюме, тогда они станут послушными, начнут помогать людям. Зачем убивать друг друга из-за духов?
- Сколько раз тебе говорить? – рассердился монах. – Бог христиан – самый сильный! Нельзя плевать или сморкаться на Его изображение. За это Он карает смертью. Человек не в силах изменить волю Всевышнего. Наш удел – покоряться Ему! Понял?
- Да, но только не Бог наказывает людей, а хозяин. Это он приказал убить врагов.
- Я вторую неделю читаю Священное Писание, объясняю догматы католической Церкви, а ты как был дикарем, так и остался. Неужели на тебя не снизошла Благодать Божия?
- Никто на меня не спустился, – признался слуга и попросил прочитать о пальме.
- Хорошо, – сдался Антоний, – но потом вернемся к псалмам, выучим целую книжку!
- Малаец не возразил. Монах пошелестел помятыми страницами, отыскал нужную главу, воскликнул мальчишеским голосом:

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
Твои голубиные глаза под кудрями твоими.
Волосы, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.
Зубы, как стадо выходящих из купальни стриженных овец,
У которых по паре ягнят, и бесплодной нет между ними.
Губы твои, как алая лента; и уста любезны.
Ланиты под кудрями, как половинки гранатового яблока.
Шея, как сооруженный для оружий столп Давидов.
Тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных.
Два сосца, как пасущиеся между лилиями двойни молодой
серны.
Доколе день дышит прохладой, и убегают тени,
Я пойду на мировую гору, на холм фимиама.
Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, пятна нет на тебе...»

(Песн. П. 4, 1–7).

– Ха-ха-ха! – раздался голос Барбосы. – Я вижу, ты выздоровел, коли читаешь про любовь! – смеялся Дуарте у порога адмиральской каюты. Он обернулся к малайцу и брезгливо добавил: – У, нарядился, дикарь! Брысь со стула! Принеси ужин, сейчас хозяин пожалует!

– Мы изучаем Библию, – покраснел Антоний, – псалмы, Евангелия...

– Сосцы серны, лилии, пятна... – продолжил Дуарте. – Не припомню их в Новом Завете. Оглух, краснокожий? – повысил голос на слугу. – Готовь ужин!

Энрике нарочито медленно поднялся со стула, гордо выпрямился, с достоинством поправил лоснившийся от сала халат, сложил руки на груди, встал у входа.

– Вон отсюда, собака! – заревел Барбоса.

– Мне велено неотступно следить за учителем, – заявил раб, отворачиваясь от капитана.

– Чего шумишь? – адмирал появился на пороге. – Опять ругаешь раба? Если бы он всех слушался, я бы утопил его в море.

– Энрике тоже человек, – заступился за слугу Антоний.

– Отстань, святоша! – перебил Дуарте. – Он воспримет равенство по-своему, возомнит о себе черт знает что.

– Словом Божьим человека не испортишь! Оно поднимает людей на ноги, дает силы, препятствует злу.

– Фернандо, ты звал меня на ужин или на проповедь? – недоумевал капитан.

– Молодец, Антоний! – похвалил адмирал. – Вновь обретаешь разум.

– Я не терял его, это вас покинула Добродетель.

– Опять за старое... – вмешался шурин. – Надоело все, хочу есть!

– Тебе не грех послушать! – одернул Фернандо. – Он вас давно не учил.

– Простите моряков, – потребовал священник, – снимите цепи!

– Простить? – возмутился Барбоса. – Их надо было повесить, головы порубить. Сво- лочь трюмная, бунтовать вздумала? А этого не хотите? – сложил кукиш и трахнул по столу кулаком. – Утопить дармоедов, четвертовать!

– Вы голодны, поэтому злы, – решил Антоний.

– Правильно, – поддержал его адмирал и велел слуге принести мясо с вином.

– Заступник нашелся! – надулся шурин. – Они бы разорвали тебя на куски. Ты забыл о призывах де ла Рейны?

– Нет.

- Так чего просишь?
- Нельзя мучить людей, они раскаялись.
- Мескита говорит иное о доминиканце.
- Отец де ла Рейна болен, лишился рассудка, – не судите его строго! Бог наказал священника за грехи.
- Но других не наказал.
- Вы мало били и пытали их? – возвысил голос монах.
- Достаточно, – ухмыльнулся Дуарте – чтобы запомнили на всю жизнь.
- Пора прекратить истязания! – заволновался францисканец. – Послушайте, что сказал Господь...
- О сосцах серны? – уколол Барбоса.
- Ты читал книгу Соломона? – удивился Магеллан.
- Лилии, виноградники, кудри на щеках, прочая дребедень, – пояснил шурин.
- Свои любимые песни вместо Иезекииля и Откровения Иоанна? – допытывался Фернандо.
- Да, – признался Антоний.
- Боже праведный, значит, ты обрел покой.
- Прикажите снять кандалы! – попросил священник. – Моя душа перестанет болеть, когда наступит мир.
- Ох, нежности! – вздохнул шурин. – У праведника душа болит... Он нас, злодеев, будет обличать, пока арестанты не поднимут черный флаг и не утопят его за бортом.
- Я вам верил, пошел с вами, а вы...
- Я не забыл лиссабонские вечера, – ответил адмирал, усаживаясь за стол, – не забыл и подготовку экспедиции в Севилье, когда все могли умереть, не выйдя в океан. Не забуду, как чуть не лишился кораблей на пути к островам, и не допущу нового мятежа! Вы зря спорите. Вы оба правы. Излишняя строгость вредна, как неразумная добродетель. Люди устали, начали роптать. Наши союзники жалеют их, подкармливают. Думаешь, я не замечаю, как на твоём корабле помогают заключенным? Как у Мескиты выносят на палубу подышать свежим воздухом доминиканца? Как за спиной Серрана сменяют у помп провинившихся? Вижу и жду, когда наказание превысит разумный предел. Человек должен раскаяться, но не обозлиться. Иначе нас уничтожат. Мы обязаны показать зубы, запугать, пресечь в зародыше бунт, сделать моряков послушными.
- Где разумный предел наказания? Антоний призывает покончить с расправой, ты – жаждешь крови. Тебя боятся, его любят, но уважают одинаково. Каждый из вас ошибается, полагая, будто его путь исправления людей истинный. Если дать вам волю, то одного убьют, а над вторым будут смеяться. Механизм власти заключается в сочетании крайностей. Вы оба нужны. Я понял это в Индии. Ругань и мордобой не поведут солдат в сражение.
- Я освобожу людей, когда начнем вытаскивать корабли на берег. Среди осужденных есть плотники, конопатчики, кузнецы – без них не обойтись. Мне нужны работники, а не лошади. Сначала раскуем мастеров, это успокоит народ, даст надежду товарищам. Желая сбросить цепи, они станут расторопнее, услужливее. Зависть к друзьям вытеснит злобу по отношению к нам. Бунтари превратятся в послушных моряков.
- Серран жаловался – течь усиливается, – напомнил Дуарте, – а разгрузка продлится два-три дня.
- Он просил твои помпы?
- Пока справляется своими механизмами.
- Пусть поставит арестантов круглосуточно качать коромысла, свободных – на перевозку!

– Давай при отливе положим каравеллу на грунт и по дну перетащим товары? – предложил шурин.

– Не спеши, – возразил Фернандо. – Такелаж не сняли, переборки не выдержат нагрузки. Чего стоишь? – обратился к священнику— Садись ужинать!

– Я пойду, – застеснялся Антоний. – У вас дела...

– Не помешаешь. Тебе полезно подкрепиться вином.

– Я...

– Садись! – приказал хозяин.

– Фернандо, вели рабу слушаться меня! – попросил шурин. – Я твой родственник, в одном доме живем. Говорю ему: неси ужин! А он отвернулся, стоит, как статуя.

– Разве Энрике должен подчиняться кому-нибудь еще, кроме меня? – улыбнулся адмирал.

– В Испании он слушался Белису.

– Вы грубо разговариваете с ним. Он зол на вас, – промолвил францисканец.

– Какой обидчивый! – усмехнулся Барбоса. – Я наловлю сотню рабов и отправлю на рынок.

– Энрике принял христианство, отчего заслуживает иного обращения.

– Он – раб! – воскликнул Дуарте. – Этим все сказано.

– Он – человек! – не уступал Антоний.

– Давно стал им?

– С момента крещения святой водой.

– Матерь Божья! Так все дикари превратятся в людей и откажутся подчиняться!

– Мы воспитаем в них покорность Господу и белым наместникам, – пояснил Фернандо.

– Антоний будет обличать и наместников.

– Что в том плохого? Пусть лучше капелланы ругают власть, чем туземные князьки.

Мы всегда договоримся со священниками.

– Зачем вы так? – обиделся монах.

– Сделаю тебя архиепископом, затем кардиналом, – пообещал Фернандо.

– Я служу Господу не ради красной шапки.

– Одно другому не мешает, – заметил адмирал. – Мы построим на островах новое царство. У Колумба не получилось, а мы сделаем. Ты бы, Дуарте, не кричал на Энрике... Он рожден свободным человеком, не привык к грубому обращению.

– Вот те раз, – недовольно пробормотал шурин. – Просил покарать раба, а оказался виноват!

– Хвала Господу! – замахал ручками францисканец. – Сеньор капитан-генерал осудил гордыню.

– Гнал бы ты его подальше, – без злобы посоветовал шурин. – Монах хорош на паперти, а не на корабле.

– Хватит спорить, пора ужинать! – услышав звон посуды, воскликнул Магеллан.

* * *

Вечерело. Оранжевое солнце укладывалось спать в белоснежную перину холмов, окрашивало их бледно-розовым цветом персидского шелка. Над ним сгустились тучки-одеяла, блиставшие перламутровыми переливами, от холодного чернильно-фиолетового до пышущего жаром алого. Меж ними дымно-золотистыми столбами пробивались лучи, в которых отец Антоний увидел бы ангелов. Рваные мутные клочья облаков шевелились и таяли. Бледно-голубое небо над покрывалом поднималось вверх, сгущалось синевой, наливалось

тяжестью. Нетерпеливый месяц карабкался из-за темного горизонта, тащил за собой стальные звездочки-заклепки. Примораживало.

Пламя костра обжигало озябшие руки, отгоняло от набухшей влагой прогалины осевший снег, обнажало дышавшие испариной песок и камни. Сизый дым поднимался над головой, скапливался легкой тучей и понемногу исчезал в наступающих сумерках. Потрескивали сучья, гудел огонь, будоражил голодные желудки. От сырой одежды шел пар, воняло потом.

– Кабы зверя подстрелить да на вертел, – размечтался Сантандрес, шуровавший веткой в золе.

– Ищи теперь... – недовольно пробурчал солдат, смешно выпячивая зад, подставляя спину теплу— Одни вороны летают.

– Не подпали седалище, – предостерег Хинес.

– Промок, – пожаловался бедняга. – Третий час сидим, ждем. Сколько терпеть?

– Пока не вернутся, – в сотый раз ответил матрос— Васко велел ждать до вечера, а потом возвращаться! Чего тебе надо?

– Успеем, – успокоил Сантандрес— Ночь будет ясная, звездная, пойдем домой по следам.

Солдат снял шлем, вскинул голову, внимательно огляделся. Полюбовался закатом, прислушался – не дует ли ветер?

– Лучше пойти встретить, чем мерзнуть посреди равнины, – предложил Эрнандес.

– Васко приказал ждать, – повторил Хинес.

– А если они не вернутся?

– Утром начнем искать.

– Мало нас, – заметил солдат, растирая подсыхающие штаны.

– Зато имеем огненный бой, – похвастался Эрнандес.

– Сила! – ухмыльнулся солдат. – Пять раз бабахнем, полчаса будем заряжать.

– Больше не надо, дикари разбегутся от одного выстрела.

– Эй, вояки, – крикнул солдат матросам, – вы согласны с ними? Столпившиеся у костра люди угрюмо молчали.

– Чего народ баламутишь? – одернул Хинес.

– Ты не командир, не затыкай рот! – огрызнулся солдат. – Я свое дело знаю.

– Может, заночуем на корабле, а утром вернемся? – кто-то робко подал голос.

– Полдня потеряем, – прикинул Эрнандес— Негоже ребят одних оставлять.

– Тогда пошли искать, – поддержал молодой парень в ржавой кирасе. – Холодно на месте стоять.

– Не торопись, – удержал Хинес— Сейчас обсохнем, согреемся и пойдем.

– Вояки! – усмехнулся солдат. – Мы уйдем отсюда, а они вернутся. Так и будем всю ночь друг друга искать.

– Дело говорит, – заспорили моряки.

– Приказ один: ждать либо возвращаться! – продолжил солдат. – Нельзя нарушать дисциплину. Не хватало нам самим заблудиться! Кто знает эти места? Без солнца я заплутаю в холмах.

– Звезды не подведут, – заверил Хинес.

– Вдруг тучи скроют небо, и выпадет снег? – не сдавался солдат.

– Поэтому надо спешить, пока видно следы, – подытожил Эрнандес— К океану в любом случае выберемся.

День догорал вместе с костром. Солнце зарывалось в белоснежную кровать, краснело напоследок, будто молодая девушка в ожидании жениха. Облака сгустились, нависли над ним, закрыли лазейки желтоватых лучей. На небе появились звездочки. Взобравшийся на небосвод месяц побелел, засеребрился. От холмов потянулись длинные темные тени. Люди

жались к теплу, лениво бранились, не желали покидать дымящийся пяточок земли с разбросанными углями и потрескивающими головешками. Все понимали, что назад не пойдут, пока не вернутся товарищи или не отыщутся их останки. Напряженное ожидание и отсутствие дела вынуждали спорить, болтать пустые слова, упрекать друг друга в мелочах, обижаться.

– Хватит ждать! – решил солдат. – Пошли искать Васко! – Разговоры стихли, матросы обернулись к нему— Теперь я буду командиром! – заявил опытный воин.

– Почему ты? – спросил Хинес— Эрнандес старше тебя.

– Мы собираемся не на кладбище и по морю не поплывем, – возразил солдат.

– Пусть командует, – промолвил Эрнандес и первым поднял мушкет.

– Эй, молодежь! – прикрикнул солдат на моряков. – Забирай оружие! – Матросы нехотя побрели к щитам, мечам, прочей амуниции. – По дороге не растягивайтесь! – велел солдат, проверяя доспехи и подтягивая ремешки, как упряжь лошадей. – Эрнандес, веди отряд по следам! Хинес, захвати в шлем угли! Часа через два отдохнем. Ну, тронулись!

Разведчики медленно гусеницей поползли к холмам, зловеще поблескивая стальной броней и оцетинившись копьями.

* * *

Выбившись из сил, Леон повалился на снег. Пламеневшим лицом почувствовал, как растаяли снежинки, капли потекли по щекам. Заныло расслабленное тело, сдавило в груди, загудело в голове. Наверное, раньше он ощущал это, но старался не замечать, а теперь отступил, сдался. Он зарылся в снег и застонал.

– Вставай, Леон! – тормошил Васко. – Замерзнем. Немного осталось... Мы возвращаемся по своим следам. Я думаю, мы здесь были. – Он опустился на колени рядом с товарищем, перевернул его из последних сил, упал рядом. – Поднимайся, Леон... – Васко начал засыпать. Однако в последний момент заставил себя подтянуть ноги, перевалился на бок, встал на четвереньки. – Уф! – стряхнул дрему, отер лицо снегом. – Раскис? – спросил то ли себя, то ли итальянца. – Мы один раз чуть не замерзли, второй раз Бог не помилует. Очнись! – принялся растирать лицо другу, дуть в глаза. – У нас нет огня – замерзнем! Посмотри на меня, не спи! – умолял его.

Панкальдо с трудом разлепил веки.

– Устал, сейчас... – выдохнул матрос.

Морион скатился с головы итальянца, шапка упала в снег.

– Ты умрешь! – рассвирепел Гальего, схватил матроса за голову растер уши. Панкальдо взвыл от боли. – Мычи, скотина, я не дам тебе подохнуть! – не отпускал его португалец.

Леон открыл глаза, попытался освободиться.

– Не мучь! – попросил он. – Я посплю.

– Вставай! – требовал Гальего. Уши Панкальдо налились кровью, покраснели, распухли. – Больно?

– Да, – итальянец замотал головой и решительно вырвался.

– Вот и хорошо, – обрадовался Васко. – У тебя много сил, ты – крепкий человек. Не губи себя, поднимись!

– Сейчас... – повторил Леон.

Матрос помог ему подняться со снега. Свесив голову на грудь, Леон сидел посреди сугроба, готовый рухнуть на землю.

– Молодец! – похвалил Васко. – Теперь умойся... – натер итальянцу голову снегом. Холодные капли потекли за шиворот. Панкальдо пришел в себя.

– Ты что? – он повернул голову— Зачем уши надрал? Болят... – пощупал набухшее кровью горячее ухо. – А если я тебе?

– Давай, – согласился португалец, – я не прочь. Только сначала встань на ноги! Сам сможешь?

– Попробую, – надулся Леон. – Дрянь ты, а не человек!

Однако пытаться не стал, сидел, мотал головой, ошалело глазел по сторонам. Прошла минута, вторая.

– Ну... – подбадривал Васко.

– Куда нас занесло?! – недовольно пробормотал итальянец, глядя в черноту ночи. – Там кусты или хижина?

– Тень от холма.

– Тень? – удивился Панкальдо.

– Посмотри, какой большой месяц, хоть веревку завязывай!

– Звезды... – поднял голову Леон. – Дева Мария на них...

– Отдохнем немного и пойдем дальше, – предложил Васко. – Не заснешь?

– Нет, – пообещал итальянец.

Они уселись спиной к спине и молча глядели в небо.

– Великаны не дикари, – прерывая зловещую тишину, с далеким волчьим воем, сказал итальянец. – Лихо одурачили нас. Заманили в лабиринт и бросили.

– Могло быть хуже, – мрачно добавил Васко. – Когда следы стали пропадать, из трех превращаться в один, двоиться, разбредаться в стороны, петлять, я подумал: тут кроется что-то неладное.

– Мне казалось, будто кто-то наблюдал за нами – признался Леон. – Почему они не напали?

– Не знаю.

– Надо было засветло повернуть назад, а мы заплутали в холмах. Ты уверен, что это наши следы?

– Они меньше ног туземцев.

– Мне чудится, будто мы здесь не одни. – Леон боязливо огляделся по сторонам. – Почему волки не подходят близко, кого боятся?

– Снег пахнет людьми, – пояснил Васко, – но где они?

– Ждут, когда обессилим.

– А ты думал, они выйдут встречать нас, женщин приведут? – горько усмехнулся португалец. – Ты зачем ищешь их?

– Сам знаешь...

– Тогда помалкивай.

– Страшно сидеть без оружия, ждать, когда великаны накинута с дубинами.

– Значит, отдышался, отдохнул.

– Зябко.

– Сейчас пойдем, только еще чуть-чуть...

Теперь Гальего не хотел подниматься, тянул время.

– Нужно по звездам выбираться из лабиринта на восток, – решил Леон, – прямо к океану.

– Отсюда полдня пути до залива, а берегом неизвестно, сколько придется брести до кораблей, – не согласился товарищ. – Если к утру не вылезем из холмов – пойдем на солнце.

Они поднялись и побрели вдоль лощины по темневшей в снегу цепочке следов, держась дальше от холмов, опасаясь встречи с людьми, которых искали две недели. Хрустел примороженный снег, лязгали мешавшие движению доспехи, холодили плечи и грудь. Посреди бело-серой пустыни сумрачный блеск брони отпугивал великанов, превращал моряков в необыкновенных существ, сохранял жизнь. Хрустальный месяц повис над головой. От него или от звездочек – серебряных колокольчиков, а может быть, от изнеможения

звенело в ушах. К звону примешивались шипение и свист, будто лопнул кожаный пузырь, и ветер шумит в снастях. Сквозь монотонный гул доносились редкие крики птиц, напуганных одинокими фигурами, вой хищников. На это не обращали внимания, словно прорывавшиеся сквозь шум в голове внешние звуки были из другого мира. Осталось одно – двигаться, медленно переставлять ноющие одеревеневшие ноги, теряющие чувствительность к морозу. В глазах рябило от бесконечного однообразия полей. Вершины холмов то приближались, то растворялись вдалеке. Темень преграждала путь, отступала назад, обнажала петляющую полосу их собственных следов. Моряки давно потеряли туземцев, блуждали в лабиринте.

Выбившись из сил, садились в сугроб, терли виски, хрипло дышали, молчали, не замечали алмазной красоты неба, пухового простора долин. С неимоверным напряжением заставляли себя подняться, понимали, что главные враги – холод и сон – подкрадываются все ближе. Поддерживая друг друга за плечи, упорно шли вперед, таранили пространство, следили за тем, чтобы не сбиться со следа, не потерять ниточку надежды.

Посреди ночи моряки спустились в низину, где наткнулись на вторую, затем на третью человеческие тропы. Они не сразу поняли, что нашли выход. Помутившееся сознание среди звериных следов выхватило отпечатки испанских сапог. Друзья чуть не лишились рассудка и закричали. Кого они звали на помощь? Осипнув, моряки убедились: здесь нет белых людей. Все же стало легче идти, надежда обрела зримые очертания. Равнина, на которой отдыхал отряд, лежала где-то неподалеку.

Когда впереди показались солдаты – темные точки на погребальном саване, матросы опустили в снег, безропотно покорились судьбе. Они не сомневались: вернулись великаны. Не было желания кричать, молиться, сопротивляться, бежать, спрятаться за холмом. Разве можно улететь по воздуху, не оставив предательских следов? Леон скинул шлем, повалился на спину, стиснул зубы, заскулил от злости и досады, как загнанный в подворотню пес. Васко отвернулся от надвигавшихся фигур, равнодушно поглядел на приятеля. Захотелось расстегнуть ремешки, скинуть мешавший дыханию нагрудник. Усталость и лень пересилили желание. Португалец нырнул в сугроб, прикрыл голову обмороженными руками. Он слышал, как успокоился Панкальдо, как отчаянно до боли в голове зазвенели колокольчики, шквалом налетел ветер, и все стихло. Васко потерял сознание.

Глава IV

Ремонт «Консепсьона»

Заканчивались подготовительные работы для ремонта судна. Разгруженный и наполовину разобранный корабль на лодках подтянули к берегу где плотники соорудили катки для вытаскивания его из воды. На грязном снегу перемешанном с песком и галькой сотнями ног, собралась у канатов почти вся флотилия. Только хворые лежали в трюмах, да вахтенные глязели с верхних палуб. Поредела эскадра, обносилась, завшивела.

Серый утренний свет розовел, сменялся ясным солнечным днем с легким морозцем. Вялый туман над гаванью заалел, попятился, обнажил спокойную поверхность залива с застывшими недвижно судами. Сонные крики птиц резали тишину.

Адмирал возложил руководство работами на нового капитана «Консепсьона» – Серрана и его помощника Карвальо – людей опытных, уважаемых моряками. А сам с Барбосой и Мескитой наблюдал поодаль, в окружении охотничьих псов, откормленных рыбой и звериным мясом. Эти верные помощники, засидевшиеся на палубах и голодавшие вместе с людьми, загоняли по снегу зайцев, коз, лисиц, кормили команды. Моряки берегли и любили их. По ночам собаки сторожили склады от вороватых гостей, отгоняли волков.

– Гуляешь, Санита? – Фернандо потрепал по голове мохнатую суку— Жди приплода, Дуарте.

– Я тут причем? – не понял шурин.

– Твоя собака, с «Виктории», – поглаживая довольную Саниту, сказал адмирал. – Заберу у тебя половину щенков.

– Всех возьми, – великодушно предложил Барбоса. – Они гадят в трюме, а там без них грязи по колено.

– Знаю, Мендоса не следил за порядком, – согласился Магеллан и зло добавил: – Надо было скормить его псам! Они любят человечину.

– Казначею и так досталось... – шурин невольно повернулся к лобному месту, где на шестах гнили изувеченные головы Кесады с Мендосой. – Фу, гадость! – поморщился он, словно почувствовал запах разлагающегося мяса. – Может, снять?

– Пусть висят.

– Чего они медлят? – вмешался в разговор Мескита. – Время уходит, не успеем за день просушить.

– Не спеши, – удержал Фернандо родственника, готового отправиться на помощь Серрану, – капитан знает дело.

Голый корпус «Консепсьона» притянули к каткам. С палубы спустили толстые растительные тросы, концы вытащили на сушу. Боцманы расставили команды у канатов в четыре большие «сороконожки», веером расплзавшиеся по пологому берегу. По знаку Акуриу, хозяина палубы «зачатников», гусеницы напряглись, потащили судно на катки.

– Раз – потянули! Два – потянули! – скомандовал звонким голосом боцман. Канаты зашевелились, напряжились, корпус рывками двинулся вверх. – Тяни – раз! Тяни – два! – размахивал в такт рукой испанец.

– Перевернут, черти! – испугался Мескита, заметив, как слегка наклонился вылезающий из воды корпус.

– Цыц! – резко оборвал адмирал и случайно наступил на лапу Саниты.

Собака жалобно заскулила, отошла в сторону, а он пошел к воде. Нагнувшись, будто в такой позе лучше видно, Серран разглядывал показавшееся днище. Буро-зеленые водоросли, черно-синие и белые раковины моллюсков мерзкой слизью облепили обшивку.

– Давай, давай! – подсказывал капитан боцману – Карвальо, готовь бревна!

– И-и – раз! И-и – два! – гремел Акуриу, краснея от напряжения, словно сам упирался короткими ногами в землю, тащил трос – И-и – раз! – испарина выступила на лбу, длинные выходящие волосы выпали из-под шапки.

Матросы, солдаты, мастера, офицеры, священники дружно тянули каравеллу, набирали полную грудь воздуха и медленно ритмично выдыхали. «Сороконожки» раскачивались на месте, спотыкались и падали, но упорно шаг за шагом продвигались от воды, волочили здоровенное тело больного корабля, как муравьи тащат дохлого жука.

– Тяни – раз! – притопывал ногою боцман. – Тяни – два! – Ему очень хотелось броситься к ближайшему канату, вцепиться в колючие плети, помочь морякам, но он подавил искушение и громче закричал: – Тяни – раз!

Покрытое паразитами брюхо каравеллы полностью выползло на катки. Вспомогательная команда засуетилась, подсунула дополнительные бревна, полила их водой, натерла жиром. Послышались ругань, приказы Карвальо.

– Все хорошо! Идет, родимая... – Серран успокоил адмирала, выпрямил уставшую спину, растер поясницу, обернулся к командам: – Молодцы, ребята!

– Раз! – считал боцман.

– Ох! – выдыхал двух сотенный хор голосов.

– Два!

– Ох! – гремело эхо, растекалось по заливу, распугивало чаек.

– Сеньор капитан, – подскочил юнга Педро, – бревна трещат!

– Выдержат! Вели кормчему не жалеть жира! – ответил Серран. – Коли хрустнут – не беда! Соседние помогут.

– Раз!

– Ох!

– Два!

– Ох!

– Баста! – остановил Серран.

«Гусеницы» вмиг рассыпались, люди загалдели, побежали осматривать днище. Канаты плетью упали на утоптаный снег.

– Ишь, как присосалась! – удивляется Педро, стараясь оторвать раковину от обшивки.

– Поищи жемчужину! – советует цирюльник и плутовато подмигивает канониру – В корабельных тварях скрываются самые дорогие сокровища. Не правда ли, Маэстро Анс?

– Не встречал, – серьезно говорит Ганс Варг, вынимая из провонявшей табаком куртки трубку, – но слышал, – вспомнил матросские байки.

Юнги наперегонки начинают обдирать моллюсков, давить раковины ногами, раскалывать камнями. Моряки хохочут.

– Жемчужины прячутся в траве, – подсказывает Бустаменте. – Не брезгуй, поройся в водорослях!

Одураченный Педро засовывает руки в липкую слизь.

– Поймал! – радостно кричит он и размахивает раковиной.

Ребята ощупывают днище, мерзко обросшее и капающее соленой водой. Смех стоит над гаванью, но разгоряченные мальчишки не замечают издевки.

– Опять пустая, – сокрушается Педро.

– Плохо искал, – замечает цирюльник.

– Всю перебрал.

– А на язык пробовал? – предлагает Бустаменте.

– Нет.

– У жемчужницы сладковатое тельце, – объясняет цирюльник.

Подростки принюхиваются, лижут раковины.

– Посторонитесь! – боцман прокладывает дорогу адмиралу со свитой.

– Пролома не видели? – интересуется Серран.

– Нет, – хором отвечают десятки голосов.

– Чего жуете? – спрашивает капитан парней. – Вкусно?

– Ищем жемчуг, – выплевывает мякиш Педро. – Надо поймать сладкую.

– Ох, дураки! – догадывается капитан. – Вы бы облизали днище, чтобы нам не скрести!

– Разве?.. – начинает понимать Педро.

– Ешь, поумнеешь! – советует Серран.

Командиры внимательно изучают косматую поверхность, тычут палками, стучат, удовлетворенно кивают головами.

– Я ожидал худшего состояния, – подытоживает Серран, – думал, доски сгнили.

– Сколько времени потребуется на ремонт? – осведомляется Магеллан.

– Дней десять...

– Поторопись! Четыре корабля ждут очереди. Успеть бы до холодов!

– Работы здесь много, – решает Мескита. – Вряд ли быстро управимся: день на очистку, два на просушку, еще два на конопачение, а то и четыре... – загибает пальцы, качает головой – Две недели на каравеллу!

– У нас нет времени, – хмурится адмирал. – Не думай о таком сроке!

– Сеньор капитан-генерал! – зовут от мастерской. – Разведчики вернулись, рассказывают, будто видели людей!

– Позовите Васко! – велит Фернандо.

– Плох он, ослаб... – замялся кузнец.

Смех потихоньку затих, матросы потянулись на холм встречать товарищей. Адмирал покинул Серрана, направился с родственниками к срубам.

* * *

Розовая дымка на востоке посветлела, пожелтела, родила маленькое слепящее солнце, зашпешившее на запад не поперек небосклона, а низко над горизонтом, не пожелав взлететь и обогреть людей в далекой Патагонии. Сумрачный сероватый свет исчез. Линялое грязное небо над холмами очистилось, налилось голубизной. Снег побелел, засверкал холодными искрами, распушился. На силуэте кузни-мастерской уродливо чернели старые доски с кара-

велл, желтело рубленое дерево. Легкая струйка дыма ниточкой поднималась над сложенной из булыжников трубой. Большая настоящая работа еще не начиналась.

Вернувшиеся с равнины солдаты сидели во дворе у двери на куче хвороста, ждали, когда на очаге сварится похлебка с крупными кусками сала и моржового мяса. Офицеры собрались в мастерской вокруг лежащего на полу португальца. Пухлый румяный Моралес растирал ему тело, готовил снадобья. Рядом на табурете сидел Леон, хотя старшие по званию дворяне стояли, переминаясь с ноги на ногу. Матрос устало повторял рассказ о встрече с великанами, блуждании в лабиринте, куда их заманили дикари, чтобы съесть, и о чудесном избавлении. Он утомился, история становилась короче и скучнее, пока не свелась к малому: индейцев видели издали, золота и серебра не заметили. Гальего находился в сознании, равнодушно смотрел по сторонам, выполнял указания врача. Оба матроса очень хотели спать.

– Сеньор капитан-генерал, – окликнул Магеллана солдат, приведший отряд, – это я нашел их.

– Кого? – не понял адмирал.

– Моряков, – пояснил воин, полагая, будто Магеллану уже доложили о происшествии. – Меня зовут Санчо Наварре. – Адмирал молчал, и он добавил: – С «Сант-Яго», из Мадрида.

– Запомню, – поднимаясь на крыльцо кузницы, пообещал Фернандо.

– Ваша милость... – пробормотал Панкальдо, заметивший вошедшего Магеллана. Матрос попытался подняться на ноги, но не удержался, упал на колени, – мы видели их.

– Ну! – поторопил адмирал.

– Они вышли навстречу, – не поднимаясь с пола, сообщил итальянец. – Настоящие великаны в полтора человеческих роста!

– Не врешь? – усмехнулся Дуарте. – Чай, с перепугу?

– Ноги мохнатые, в шерсти, плечи – во... – развел руками чуть не на сажень. – С дубинами...

– Они напали на вас?

– Нет, – Панкальдо сел на пол. – Остановились на полет стрелы, смотрят... Колдун завертелся, запричитал, из глаз посыпались молнии, дохнуло серой... Наши руки сделались ватными: не поднять, не пошевелить. Я замертво упал и заснул.

– Он раньше задремал, – слабым голосом произнес Гальего, – и не видел никого.

– Значит, врешь? – Барбоса замахнулся палкой, но ударить не посмел. – Кто тебе это наплел?

– Все видели, – оправдывался Леон, – любого спросите.

– Позовите Наварру! – распорядился адмирал.

Вошел солдат в болтающихся доспехах, поклонился Магеллану, собравшимся офицерам.

– Рассказывай! – приказал адмирал, раздраженно нахмурившись и прикусив губу.

– Они потерялись, а мы ждем час, второй, третий... – начал оробевший воин. – Разожгли костер.

– Великаны? – перебил Магеллан.

– Почему великаны? – возразил солдат. – Они сбежали, а Васко с Леоном пошел за ними.

– Зачем?

– Деревню поглядеть.

– Вы нашли дома? – изумился Фернандо.

– Ничего там нет, одни холмы.

– Не понимаю, – оборвал адмирал. – Давай по порядку, с того момента, когда вы отправились на разведку. Взяли курс?

– На север вдоль океана. Прошли три лиги.

– Две, – уточнил Васко. Прислужники врача приподняли его и уложили на ворох одежды. Говорить ему было тяжело, он лишь дополнял подробности.

С трудом восстановили сцену встречи. Описания туземцев были противоречивыми. Новые свидетели не помогли. Все же в основном показания сходились: встретили высоких крепких людей без враждебных намерений. Желтых бляшек на одежде солдаты не заметили. Разве можно что-нибудь разглядеть с расстояния в сотню шагов?

Ударил колокол с «Консепсьона», сзывавший народ на работу. Ослабевший корабль спешил поползти до ровной площадки, где его ждали лекари со скребками, чтобы очистить от паразитов. «Бум-бум...» – слабо раскатилось эхо по округе. Внизу у воды матросы разбирали канаты, выстраивались в команды. Голос боцмана разорвал ожидание: «Тяни – раз!». «Ох!» – ответила вздохом толпа, судорожно дернула по каткам тридцатипятиметровый корпус. Бревна врезались в песок, закрипели, завизжали, пропустили на шаг тяжелую ношу. «Тяни – два!» – кричал Акуриу, суетился у веревок, размахивал руками, топал ногой. «Ох!» – отползли «сороконожки», изогнулись, оставили позади борозды вспаханного каблуками грунта. Широкая дорога с вмятыми в землю искореженными бревнами уходила от воды.

* * *

К обеду главная работа закончилась. Подпертая с двух сторон толстыми досками, каравелла стояла на стапеле. Чистильщики насажанными на древки копей широкими стальными ножами оскоблили бок, срезали траву и моллюсков. Пахло гнилью, сыростью, йодом. Юнги ведрами таскали воду, окатывали борта, начисто протирали тряпками. Холодная вода обжигала руки, леденела на обшивке, но на снегу под днищем уже зажигали костры, начинали просушку, травили древесного червя. Гулко изнутри корпуса застучали плотники, менявшие обветшавшие доски. Кандальники вычерпывали из-под пайолов тухлую зеленую жидкость, собирали в лохани расплывшуюся грязь, пугали крыс и мышей, разбежавшихся под ногами, карабкавшихся по отвесным деревянным переборкам. Грызунов травили в походе, но их количество не убавилось.

– Ошпарить бы крыс кипятком! – мрачно посоветовал Симон, в прошлом сверхштатный член экспедиции и слуга Мендосы, не отличавшийся веселым нравом, а в цепях – тем более.

– Божья тварь... – промолвил Мартин, поблескивая в полумраке белыми зубами.

– Божья? – не поверил Симон. – Исчадье ада!

– Господь создал их мучить грешников, – ответил Мартин.

– Врешь, – отрезал португалец.

– Спроси у штурмана, – посоветовал приятель. Симон не решился. Элькано молча черпал жижу.

– Эй, бунтари, – послышался с палубы голос Серрана, – чего тянете? Шевелите руками, пока плети не получили! – Капитан засунул голову в вентиляционный люк, попытался разглядеть в темноте днище. – Кто здесь? Ты, Симон? Ушастый с тобой? Третьего не разгляжу...

– Сеньор Элькано, – подсказал Мартин.

– Выдеру всех, коли не кончите к вечеру!

– Сам торопись, а нам некуда, – надулся Симон, когда португалец ушел. – Тоже мне, капитан... Наш был дворянином, не спускался в трюм, руки не пачкал, а этот? Кабы не альгвасил...

– Не болтай языком, пока не укоротили! – погрозил баск.

– Я теперь ничего не боюсь, – взъелся португалец. – Что может быть еще хуже? Сяду и не буду работать, пусть Серран отсасывает дерьмо.

– Побьет, – напомнил Мартин.

– Я не раб! Я его, суку, цепями задушу! Я их... – ударил кулаками по шпангоуту.

– Перестань! – оборвал Элькано. – Распустил слюни. Тебя никто не поддержит, люди хотят жить.

– Успокойся, Симон, – попросил Мартин, – скоро снимем цепи. Капитан-генерал простил мастеровых и нас помилует. Отдохни, пока мы вынесем лохань, наберись терпения. О, мышка прибежала... Кыш, серая!

Смотри, лезет по стене, а ты хотел ошпарить ее кипятком. Пусть живет, у нее нет другого дома.

– Ты свихнулся, Ушастый. Тебе плетью грозят, а ты мышей жалеешь!

– Переживем. Отец Антоний молится за нас, не даст погибнуть. Арестанты с лоханью направились к лестнице. Осторожно поднялись по щербатым ступеням, выплеснули грязь на землю. Дым костров поднимался вдоль бортов, вился клубами, собирался в сизое облако. Каравелла без мачт и руля, который сняли и отнесли в кузницу чинить краспицы, плыла по огненной туче. Снизу дохнуло паленой смолой, дегтем: конопатчики варили шпаклевку. Бухали по шпангоутам плотники, скрежетали об обшивку скребки, трескали сырые поленья, звенели молотки по скобам и штырям, вгоняемым в податливое тело корабля, стонали отрываемые доски, сустились и кричали моряки.

– Чтоб тебе! – перегибаясь за борт и чихая от дыма, грозил Акуриу.

– Куда паклю засунули? – гремел верзила-канонир Ролдан, смахивая с лица волосы.

– Неси хворост, Педро! Прижжем покрепче червей!

– Загорит корма, ей-богу загорит! – возмущается Карвальо. – Полей водой!

– Где Мартин, куда делся? – зовет капитан. – Позовите стражника!

– Дыру нашли! – перекрывая голоса, доносится снизу— У самого кия.

– Какая здоровая! Кулак проходит.

– Наверное, камнем пробило?

– Или ядром, когда дрались с Картахой.

– Нет, чиркнули днищем о грунт.

– При отливе?

– Эй, Толоса, ты видишь меня через дыру? А я тебя хорошо вижу. Чего надулся?

– Мартин, почему не готовят обед? – возмущается Серран. – На сытый желудок легче работать. Ох, суета!

– Гляди, крысы побежали!

– Дурная примета.

– Испугались твари стука и жара, весной вернутся.

– Маэстро Ане нашел сыр, повезло немцу! Как мыши не съели? Коптят костры в небо – гибнут древоточцы, подсыхает обшивка.

Гудит от натуги нутро каравеллы, стонут ребра. Юнги-посыльные мечутся между стапелем, складом, мастерской, тащат шарниры для пушечных портов, пятидюймовые гвозди на палубу, куски коричневого воска. Мальчишки укрепили котлы на треногах, нарезали ломти моржового мяса. Запах похлебки смешался с гарью. Жаль, короток зимний день. Солнце помаячило над горизонтом, нехотя перевалило к западу, повисло над холмами и холодно, бесцветно светило на почерневший от работы берег.

* * *

Ганс Варг и Педро заботливо перевезли Хуана Родригеса (Глухого) на «Викторию», уложили в носовом отделении трюма вместе с двумя десятками больных, собранных с кораблей. Адмирал опасался заразы, приказал отделить немощных людей от здоровых, внима-

тельно следить за ними, чтобы недуги не расползлись по флотилии. Госпиталь на корабле — не лучший способ вылечить моряков, но строить дом на берегу было невозможно, а использовать кузницу под лазарет значило погубить экспедицию. Для ухода за больными на «Викторию» переехали лекари и священники. Корабль Барбосы превратился в тюремную больницу, куда вход разрешался немногим.

Больные не жаловались. Здесь кормили лучше, давали свежее мясо, рыбу, вино, сушеные фрукты. По утрам приплывал Моралес, осматривал пациентов, щупал пульс, прослушивал трубкой движение внутренностей. Велел для облегчения пускать кровь, ставить клистиры для изгнания желудочной хвори; прописывал присыпки, примочки, настойки, обжигавшие кожу мази собственного изготовления, прочие творения просвещенного ума. От заботливого ухода люди иногда умирали, однако чаще выздоравливали. Качающиеся от сквозняков больные поднимались на палубу, где в обычной обстановке быстрее набирались сил.

Магеллан заботился о жизни моряков. Потеря двух рук прибавляла работы живым, была невосполнима, особенно, если погибал редкий мастерской. И хотя в начале путешествия в списках значились, как в любой флотилии того времени, десятки «сверхштатных», они уже успели заменить выбывших. Больше «лишних» людей не имелось, каждый ценился за двоих или за троих, судя по знаниям и способностям, коими обладал.

Жар навалился на Глухого после простуды на охоте. Четвертый день он стонал, горел пламенем, проваливался в забытие, мутными отрешенными глазами глядел в низкий потолок, будто видел нечто, открытое болезнью и недоступное другим, будто готовился уйти туда. Соседи пугались, вставали на четвереньки перед его грязным тюфяком, старались перехватить взгляд, прислушивались к дыханию, тормозили. Глухой не замечал. Окидывал взором раздражавшее тело, переводил взгляд к покачивающемуся масляному фонарю, к единственной светящейся точке в ночи. Огонек отражался в застывших глазах, вздрагивал, наползал на увеличенные зрачки. Они зловеще вспыхивали, исхудалое желтое лицо становилось страшным. В черном провале рта застревала жизнь. Матрос был не в силах выдохнуть ее или вдохнуть. Убедившись, что он горяч, соседи вытягивались на подстилках, прикрывались теплыми вещами, забывали о нем, мучались своей болью и своими мыслями.

Утром, когда темные запотевшие окна серели, приходил священник, опускался на колени посреди прохода, творил молитву.

— «Скорый в заступничестве Своем, единый сын Христос, покажи свыше посещение страждущему рабу Твоему, избавь от недугов и горьких болезней...»

Больные поднимались на постелях, сползались в кружок.

— «... как спас Петрову тещу и расслабленного, на одре носимого...», — читал капеллан.

— Петрову тещу, — шевеля сухими обметанными губами, вторили моряки, — ... на одре носимого.

За молитвою просыпался день. В загоне светлело, потухал ночник. Спертый воздух вырывался через раскрытую дверь, по полу сквозило, выветривало страх. Днем силы удваивались, хвори отступали. Возникали длинные разговоры, воспоминания. Со стекол слезами стекала влага, переплеты набухали, как человеческое горе.

Пигафетта первым отправился помогать страждущим. Следуя уставу Родосского ордена, ибо организация крестоносцев сотни лет назад преследовала именно такие цели, ломбардиец не гнушался грязной работы, перевязывал кровоточащие язвы, кормил, утешал ослабевших.

— Вы сегодня не хотите есть, — упрекнул итальянец кормчего, не притронувшегося к вареву — Не нравится?

— Мутит, — признался Гальего.

— По-моему, вкусно, — Антонио принялся расхваливать суп. — Попробуйте!

— Посиди рядом, — попросил штурман, — тяжело мне.

- Болит? – Пигафетта, дотронулся до его груди.
- Ломит спину.
- Потереть? – предложил Антонио и бережно перевернул старика на живот. Уткнувшись в подушку, тот слегка застонал.
- Я велю нагреть песок, – пообещал рыцарь, задирая рубашку и оголяя поясницу— Сейчас пройдет. Так лучше? – начал плавно массировать кожу.
- Гальего перестал вздыхать, довольно закричал, расслабился.
- Хорошо, – сказал он, прикрывая глаза, – словно Христос ходит босиком.
- Надавить сильнее?
- Нет, – испугался кормчий, – в самый раз.
- Ваш сын опять отличился, – вспомнил итальянец, – нашел индейцев. Говорят, ему недолго осталось ходить в старших матросах!
- Скорее бы, – улыбнулся отец. – А я обижался, почему не приходит?
- Разведчики два дня плутали по холмам, чуть не замерзли, – добавил Антонио. – Сейчас отдыхают, отогреваются.
- Морозы наступили? – заволновался кормчий.
- Снег лежит рыхлый, сырой, днем подтаивает. Слава Богу, не штормит!
- Не голодаете?
- Рыбы и мяса вдоволь, бери, сколько хочешь. На лето готовим. Капитан-генерал урезал порции хлеба и муки. Теперь каждый корабль заботится о пропитании, снаряжает охотников. Вчера вытянули на берег «Консепсьон». Ох, зрелище! Скоро наступит наша очередь. Приказано до весны очистить и проконопатить корабли.
- Доброе дело, – поддержал кормчий.
- По случаю больших работ сеньор Магеллан помиловал пятнадцать человек! – радостно сообщил Антонио. – Кузница гремит, на берегу сутолока, как на пристани в Севилье. Я думал, зимовать – значит сидеть на кораблях и много спать, а тут – сплошная работа. Капитан-генерал палкой торопит дело. Бывает, трахнет сгоряча даже офицера. Барбоса бежит злым, грозит кулаками, обещает заковать лентяев в цепи вместо освобожденных. Так не больно? – нажал кулаком на позвоночник.
- Злодей! – вскрикнул Гальего. – Ох-хо-хо.
- Не буду, – успокоил Пигафетта. – Моралес сказал, у вас косточки окаменели, надо размягчать.
- Постарели, – поправил штурман, – требуют покоя, сухую кровать, огонь в очаге, подогретое вино.
- Где их тут возьмешь? Потерпите до дома. Наверное, в Галисии сейчас тепло?
- Апрель месяц – начало весны.
- В Италии птицы запели, цветы расцвели, – вспомнил Антонио, – а мы готовимся зимовать! Раньше я не мог понять: как люди в Южном полушарии ходят вниз головами? Теперь вижу: ходят здесь так же, а живут наоборот. Может, и время движется назад? Не случайно же Васко встретился с великанами.
- С великанами? – удивился отец.
- Высокие, мохнатые, зубастые, с огромными глазами – настоящие гомеровские циклопы! Они съели индейцев, живут одни за холмами. Есть и приятная новость: отец Антоний поправился, но слаб еще, капитан-генерал не отпускает его с флагмана. У монаха появилась мечта: хочет создать церковное царство на землях язычников. Ему в болезни было видение, Христос воззвал. Антоний проснулся в слезах, плачет, говорит непонятным языком... Упал на колени, лицо в доски упер, полдня пролежал на молитве, не выпрямляя спины, не поднимая головы.
- А потом? – заинтересовался Гальего.

– Вышел на палубу, созвал моряков, сообщил о Благовесте. Да что толку? Народу вокруг нет, кому царство строить? Отложили до островов.

– Божий человек! – уважительно хмыкнул кормчий.

– Несомненно, – согласился Антонио. – Не устали?

– Хватит, положи на спину!

Пигафетта легко перевернул иссохшее тело, подsunул под голову пилота подушку.

– Сосед бредит по ночам? – кивнул на уснувшего Глухого.

– Хуже... – испуганно перекрестился старик. – Беседует с нечистой силой.

– Неужели она прилетает на освященный корабль? – не поверил Антонио.

– Поднимается к потолку, висит...

– Дьявол? – ужаснулся Пигафетта и быстро перекрестил рот. – Серой пахнет?

– Глухой уставится на него и смотрит, не мигая. Лицо делается ужасным, землистым, прямо оторопь берет. Никого не замечает.

– Мычит?

– Молча беседуют. Пробовали туда распятие прикрепить – не помогает! Звали капеллана на ночь читать молитвы, да что Глухому Псалтирь? Видать, много грехов накопилось, коли Божье Слово не спасает.

– Петух кричит?

– Не заметили. Час-другой лежит, глаза прикроет, стонет, борется с нечистым. Только под утро рогатый отступает.

– Давно началось?

– Третью ночь.

– Надо заново освятить покой, – посоветовал Антонио, – и причастить Глухого!

– Языка нет, покаяться не может, вот и мучается человек, – заключил старик.

– Недолго осталось, – пожалел Пигафетта, разглядывая матроса. – Скоро Господь призовет на суд. Упокой, Боже, душу раба Твоего!

– Что ты! – испугался старик. – Живой еще! Огонь горит в нем.

– Кровь пускали?

– Каждый день. С полтаза набралось. Натирали скипидаром и горчицей, обкладывали льдом, курили дымом, привязывали мощи... Не ест, не пьет. Настойку влили – рыгнул назад. Гибнет несчастный. В последние дни мне снится умерший брат, зовет к себе, – прошептал старик. – Это не к добру!

Он со страхом и болью посмотрел на Глухого.

* * *

Корпус «Концепсьона» очистили от ракушек, просушили. Темные осклизлые доски посветлели, украсились солеными узорами. Для предохранения их от гнили и морских червей конопатчики приготовили в котлах смесь дегтя и серы. «Чертовым варевом» тщательно пропитали обшивку подводной части корабля. Затем испоганенный корпус окрасили отвратительно пахнущим мерзким составом из древесного угля, сажи, сала, серы, смолы. Когда покрытие остыло и загустело, отогнало ангелов на сотню лиг, конопатчики сварили третий состав из сосновой смолы, древесного дегтя, шерсти животных. Им обмазали подводную часть каравеллы. Поверх ватерлинии нанесли клеевую краску, содержащую деготь, скипидар, воск. Очаровательный букет запахов, достойный образцовой Преисподней, зудил нос до соплей, резал глаза до слез. Вечные спутники моряков – клопы, ошалело ползали по стенам. Их давили мимоходом, образуя коричневые пятна. Из шкафа – кладовой для нижних чинов, – расположенного между битенгами, выкурили толстых тараканов, коих было страшно кос-

нуться ногой. Но воевать – так воевать! Дошла очередь до крыс. Гадины защищали детенышей, отважно кидались на людей.

Таким же дезинфицирующим и консервирующим раствором пропитали релинги, матчы, шпили, палубные приспособления, подвергавшиеся воздействию влаги. Нутро корабля протравили стойкими против сырости свинцовыми белилами. Рядом со стапелем заготовители топили моржовый жир для натирания канатов.

Серран неотлучно следил за работой, придирчиво осматривал закоулки каравеллы, простукивал доски, ковырял пальцем растворы, обнюхивал. Опытный капитан знал толк в деле, не допускал неряшливости и спешки, хотя отведенное адмиралом время стремительно бежало вместе с короткими зимними днями. «Как сделаем, так поплывем!» – приговаривал португалец, заставляя мастеров заново просмолить доску, заменить негодную.

Матросы чертыхались, проклинали капитана, тащили в блокаузы заказы, выпрашивали материалы. Старые доски быстро таяли, приходилось уходить за холмы, искать деревья. Спиленные стволы по снегу и на плечах доставляли на стапель, клали на козлы, резали сажеными пилами с полудюймовыми зубьями. Ветер разносил по округе щепки, стружки, опилки, пригибал к земле удушливый дым костров, рвал на части грубые матросские песни, помогавшие тяжелой работе.

Святой Отец, открой врата
Тяни, моряк, тяни!
Покажи нам сад и чудеса.
Тяни, моряк, тяни!
Где ходят ангелы в Раю,
Тяни, моряк, тяни!
Где встречу милую свою.
Тяни, моряк, тяни!

Жалобный вздыхающий вой десятка глоток подхватывал и бросал на свинцовые воды залива ритмичный припев. Пели хрипло, нутужно, нестройно, не в лад, но разом, что придавало силы сдвинуть с места здоровенную матчу, очищенную от зеленой плесени, пропитанную бактерицидным раствором. Не успевала закончиться иберийская шанти, похожая на католический псалом, как с противоположного конца площадки слышалась старинная шотландская халльярд, принесенная тремя сынами Британских островов².

Тяни снасть! Эка страсть!
Длинный трос! Хоть ты брось!
Молодцы! За концы!
Мясо – дрянь! Куртки – рвань!
В рубцах спина! Вот те на!
Косы рыжи! Спины пониже!
Налетай народ! Перекладина ждет!
Стар и млад! Все подряд!
Тяни! Крепи! На весь свет вопи!

Стихали голоса, перекачивалась бочка к огню, поднималась грот-мачта, и вдруг соленое крепкое ругательство нормандца – «Пурбосса!» резало слух. Ричард Фодис запевал о «благородных витязях», рывком подтягивал ремни при непристойном слове-припеве.

² В составе экспедиции находились 2 ирландца, 1 англичанин.

– Доброго здоровья, сеньор Альбо! – вынимая изо рта глиняную трубочку, приветствовал Ганс Варг штурмана с «Тринидада». – Пришли поглядеть на нашу работу?

– Тыфу— отмахивается от табака кормчий, – здесь воняет, как на живодерне.

– Верно, – улыбается немец, – адохнешь табачком – и не чуешь ничего. Хотите попробовать? – аккуратно вытер мундштук о рукав куртки.

– Упаси Боже, от него тошнит.

– С непривычки, потом пройдет.

– Карвальо не видел?

– Травит крыс в трюме.

– Сам? – удивился штурман.

– Нет, – канонир блаженно затынулся, выдохнул в сторону, чтобы не раздражать офицера, закричал: – Педро, передай сеньору Карвальо – с флагамена пожаловали!

– Кто? – свесился с борта любопытный парнишка.

– Сеньор Альбо.

– Сейчас, – пообещал юнга и пошел к трюмному люку.

– Поймал! – радостно закричал маленький Хуан Карвальо, победно размахивая полухлой крысой. Несчастный враг болтался на хвосте. – Я посажу ее на кол и четвертую, как казначея, – сообщил кому-то на палубе.

– Не мучай! Брось в костер! – посоветовал немец, но мальчишка скрылся за бортом. – Жестокий пример, – покачал головой канонир.

– Ганс, – позвал Ролдан, – пушки чистить или до весны подождать?

– Драй! – решил немец. – Я пришлю арестантов на помощь. – Бунтуют, бестии, – пожаловался гостю. – Сегодня Акуриу всыпал Симону десять плеток для вразумления.

– Девятихвостка – лучший учитель, – согласился кормчий.

– Боцман сильно дерет, с первого удара пускает кровь! – похвалил немец. – Но и португалец молодец – ни звука!

– Десять – это ерунда, – заметил Альбо, – выдерживают до пятидесяти.

– Если один порет, то рука слабеет на втором десятке, – поправил Ганс— А когда меняются – забывают до смерти.

– Здорово, Франсиско! – послышался с корабля голос Карвальо. – Сейчас спущусь, – долговязый кормчий направился к прислоненной к борту лестнице.

– Много наловил? – усмехнулся Альбо, когда перепачканный дегтем офицер подошел к костру.

– Кого? – Карвальо подозрительно поглядел на канонира.

– Мышей.

– Ты про сына... Гоняется с чугуном, старается живьем накрыть.

– Одной мало?

– Куда там... С дюжину на щепки насадил. Ты зачем пришел?

– Капитан-генерал послал узнать, нужны ли тебе наши люди?

– Веди! Скоблим палубу пемзой – рук не хватает.

– Матросы не согласятся, – покачал головой Франсиско.

– Дам им другую работу, пошлю штрафников чистить доски, – заверил Карвальо. – Когда поставите «Тринидад» на стапель, я приведу тебе конопатчиков и плотников.

– Много работы осталось? – поинтересовался Альбо.

– Дня через четыре краска высохнет, затынет щели – тогда поплывем.

– Адмирал спешит, – напомнил кормчий.

– Напрасно. Я бы задержался здесь недели на три... Зима впереди длинная, куда торопимся?

– С первым теплом на юг.

– Знаю, – недовольно поморщился Карвальо. – Если бы на север, а то на юг! К Южной земле на пояс холода?

– Он уверен – там есть проход. Вечерами запирается с Серраном, – понизил голос Альбо, – разрабатывает план.

– Думаешь, пошлет нас первыми?

– Не знаю.

– Ты говорил с Барбосой?

– Молчит шурин.

– Завидует?

– Вряд ли. Эка радость – по морозу во льды!

– Капитан-генерал назначит премию за открытие пролива?

– Бесплатный гроб на земле вместо холщового мешка на доске в море.

– Ты сегодня не в духе. Поругались?

– Так, мелочи... Как твой капитан?

– Тяжелый человек, похож на Магеллана. Решает все сам, орет, пускает в ход кулаки, не брезгует плетью.

– Слыхал.

– Канонир сказал? Это чепуха, давно надо было выдрать Симона! Мендоса распустил слуг, не желают работать. Помогите выпросить у капитан-генерала новые паруса, – вспомнил Жуан.

– У вас нет запасных?

– Есть, но трогать нельзя до крайней надобности.

– У нас не лучше. Латайте, пока штормы в клочья не изорвут!

– Матросы просят старый грот на штаны.

– Подождут до весны, не обносятся.

– Потом у мастера не будет времени шить. Идем в низкие широты! Забыл, как трепало месяц назад?

– Помню. Ты все рассчитал?

– Да. Иначе нельзя.

– Нет, не все, – усмехнулся Альбо. – Помогите Барбосе достать новые – Магеллан ему скорее выдаст. А себе на робы заберите у шурина старые.

– Подумаю, – приуныл кормчий.

– Жуан! – позвал с палубы Серран. – Почему лодыри отдыхают? Всыпь по горячему!

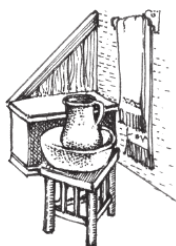
– Для этого есть боцман, – огрызнулся кормчий.

– У Акуриу в трюме забот хватает, – ответил капитан. Его грузная фигура с вросшей головой маячила у борта.

– Следит за мной, как за матросом, – пожаловался Карвальо. – Ни минуты покоя! Пойду, а то заорет. Не прощает мне, что Магеллана не поддержал. Что я мог сделать против своего капитана? Пойти на рей?

– Тебе не позавидуешь, – посочувствовал Альбо.

– Не забудь прислать людей! – напомнил кормчий.

Глава V

Случайная находка

Тяжелые мохнатые снежинки медленно кружились, падали на берег, таяли, превращались в капельки влаги на прогретых солнцем камнях. После чистого, по-весеннему ласкового дня, когда тонкое белое покрывало темнело и ручейками стекало в море, наступал сыкотный вечер. Вторую неделю держалась переменная погода, зима боролась с осенью. После напугавших флотилию ранних холодов, вернулись теплые дни. По ночам выпадал снег, прикрывал грязь судоверфи, но не мог удержаться на свету. На вершинах холмов обнажались лысины, будто пропавшие великаны снимали с них шляпы, примеривали на свои гривастые головы и забывали вернуть до следующего снегопада.

Белые ленивые мухи летали по небу, не желали опускаться на бурый крупный песок. Юнга из Баракальдо, Хуан де Сибулета, ловил ладонями пушинкам, наблюдал за исчезновением причудливых звездочек. Стараясь вспугнуть и сохранить им жизнь, дул на руки. Снежинки прилипали к теплой коже с желтыми мозолями, не хотели улетать.

– Почему из свинцового неба идет белый снег? – спросил он товарищей. – Почему облака темные, а сугробы светлые?

Ему не ответили. Моряки выбирали рыбу из сетей.

– Интересно, что там, далеко-далеко?.. – юнга подставил лицо снежинкам. Они ласкали сальную кожу. Одна попала в глаз, длинные ресницы сомкнулись. – Благодать! – выдохнул он.

– Что с тобой? – Филиппе потер кулаком крупный нос и близоруко сощурил глаза. – Устал?

– Нет, – спохватился Сибулета. – Красиво.

– Красиво? – Филиппе оглянулся по сторонам. – Ничего не видно, эскадра пропала в пелене.

– Не заблудимся, – успокоил Николай. – Склянки в заливе хорошо слышны.

– Красиво – когда на берегу растут зеленые деревья, в лагуне плещется голубая вода, на небе светит золотое солнце, – заспорил Педро. – А тут хворь одна!

Рыбная ловля

– Речка журчит, рыба играет, – прислушался Сибулета.

– Удивил! – хмыкнул Филиппе. – Сырость, мгла.

– Костер бы запалить, – Диего растер озябшие руки, – да где дрова найдешь?

– Я поищу, – предложил юнга.

- Далеко не ходи! – согласился Диего.
- Я поднимусь вверх по реке.
- Только недолго. Вторую сеть повезем с рыбой, переберем на палубе.

Юнга отряхнул с куртки чешую, расправил сапоги, побрел по берегу. От снежинок камни под ногами раскрыли черные глазки, заблестели, песок побурел. Небо сгустилось, навалилось на пологие берега. Тяжелые тучи повисли над землей. Из них шел снег, словно из старых рваных подушек сыпались перья. Они тонули в воде или отдыхали на остывающей равнине, где незаметно исчезали. От воды пахло тиной, гнилью, мертвыми моллюсками, разлагавшимися в плоских приоткрытых раковинах. С холмов несло прелой травой. Казалось, рядом забыли убрать с поля стог сена, портившийся от перемены погоды. Сибулета с шумом вдохнул полную грудь сырого воздуха и замер на мгновение, стараясь определить, не пахнет ли лесом? Ему почудилось, будто с левой стороны несет иголками сосен, душистой смолой, но парень знал, – у стапеля деревьев нет, и пошел вперед.

Лодка скрылась за поворотом, пропал из виду залив с темно-синим в звездочках ковром-снегопадом. Берега стали каменистыми, с отметинами приливов и отливов. Топляки не попадались. Наохлившись воробьи ерошили перышки, стайками шарахались от юнги в стороны. Он остановился, прислушался. Журчал ручей, торопился через камешки к мутноватой реке. После обильного ужина из сырой рыбы, пересыпанной крупной неочищенной солью, Хуану захотелось пить. Он свернул налево, пошел на звук, растекавшийся трелью в сумраке вечера. Недовольно чирикали потревоженные воробьи, насккивали друг на друга взъерошенными грудками. Слегка поскрипывали кожаные сапоги. Юнга отыскал распадок меж прибрежных камней с говорливой прозрачной ниточкой, спрыгнул вниз, пошел по ручейку, выбирая место, где бы лучше зачерпнуть пригоршню чистой воды. Зеленоватый мох и бурые лишайники обильно расплозились по низине, хранившей от ветра дневное тепло. Краснела незнакомая ягода с изумрудными острыми листиками, пощаженными заморозками и ранним снегом. Колючий терновник жался к земле, не высовывался наружу.

Задремавшая ворона с криком вспорхнула из-под ног, напугала юношу. Крупное белое яйцо лежало на примятой траве. Сибулета протянул руку и с удивлением обнаружил красивый камень. «Что за чертовщина?» – подумал он, разглядывая ровную розовую поверхность. Хотел засунуть в карман, но в последний момент отшвырнул прочь. Неприятный холодок в животе постепенно исчез, сменился любопытством. Юнга побрел по ложине, срывая кислую ягоду и выплевывая косточки, выдирая с корнем стебли трав и пробуя на вкус. Лощинка быстро закончилась, уткнулась в тупик, где под валунами били ключики, стекавшие в озерцо в полтора локтя шириною. Сибулета присел на корточки, склонился над водой и обомлел. На дне тускло поблескивали золотые песчинки.

Юнга коснулся поверхности, видение не исчезло. Пальцы ощутили ледяной холод. Он отдернул руку, поглядел вокруг, поискал ворону с каменными яйцами. Ему померещилось, будто она наблюдает за ним. Но ворона улетела с драчливыми воробьями к реке. Сумерки сгустились над берегом, тихо и мягко ложились на мох зимними цветами снежинки. Сибулета осторожно дотронулся пальцем до озерца. Круги побежали в стороны, ударились о камешки, вернулись назад, – ничего страшного не произошло. Юнга второй раз прикоснулся к воде, наблюдая, не померкнет ли свет на дне? Круги волновали поверхность, песчинки блекли, но всякий раз вспыхивали, когда вода замирала. Наконец Сибулета решился... Обмакнул по локоть руку, схватил в кулак золото, рывком вытащил наружу. Осторожно разжал пальцы, приблизил к лицу, чтобы лучше рассмотреть. На ладони вперемешку с обычным песком лежали желтоватые крупницы металла. Это немного успокоило его. Как в сказках о кладах и сокровищах Нечистой Силы, он ожидал увидеть кучу чистого золота. А тут мелкие крупницы, размером в два-три миллиметра, с грязью падали вниз.

Сибулета снял шапку, начал собирать в нее золото с песком и камешками, попадавшими под руку. Он заметил, что золото лежит на поверхности дна, и незачем глубоко вгрызаться в землю. Темнота застала парня стоящим на коленях, обеими руками бороздившим дно. Шапка на треть наполнилась песком. Убедившись, что стал вынимать больше грязи, чем золота, Сибулета прекратил работу, прижал шапку к груди, направился к выходу из низины. Ему вновь почудилось, будто кто-то следит за ним. Он ускорил шаги, побежал, споткнулся и упал... Шапка перевернулась, золото рассыпалось по берегу. Парню захотелось скорее убежать от мрачных сырых камней. Он заставил себя подобрать часть богатства и стремглав пустился к лодке.

Шлюпка слегка покачивалась у берега. Матросы заканчивали выбирать последнюю сеть. Спешили. Серебристая рыба с красными плавниками повисала в воздухе, трепыхалась, судорожно дергалась, рвалась вниз. Ее тащили к борту и вместе с сетью переваливали внутрь на вздрагивающую, расползающуюся кучу. Педро с Филиппе успевали перехватить некоторых из них, освободить из ячеек. Они били добычу о пайолы, кидали затихшие жертвы в нос на уснувшую рыбу. Упершись ногами в борт, Николай с Диего вытягивали верхний канат с поплавками из пробкового дерева, волокли вперед тяжелогруженую шлюпку.

– Гляди, – сказал красный от натуги Диего, – юнга чешет, только подковы сверкают!

– Хуан, – закричал Николай, распрямляя отекающую спину, – что случилось?

– «Трах!» – грохнул по днищу рыбиной Филиппе.

Матросы вздрогнули.

– Тьфу, напугал! – выругался Диего.

– Хуан, – позвал заволновавшийся Николай, – плыви сюда!

– Я не умею! – высоким срывающимся голосом ответил Сибулета.

– За тобой гнались великаны?

– Не знаю, – сознался задыхавшийся от бега парень.

– А сейчас?

– Вроде нет никого, – юнга осмотрелся по сторонам.

– Подожди немного, мы заберем сеть, – успокоился Николай.

– Я нашел золото, – жалобно сообщил Сибулета.

– Чего? – не поверил Диего.

– Золото, – нерадостно повторил юнга.

– Золото? – изумился Николай.

– Там много его.

– Не врешь? – Филиппе поднялся на ноги.

– В шапке принес, – пояснил парень.

– «Трах!» – вдарил рыбиной Педро. – Давайте к берегу! – велел друзьям, вцепился в сеть, принялся вытаскивать поплавки.

К ним присоединился Филиппе. Вчетвером они быстро закончили работу, вставили весла в уключины, поплыли к юнге.

– Вот оно, блестит! – Сибулета издали показывал шапку приближавшимся товарищам. Моряки бросали взгляды из-за плеч, им мерещилась большая желтая куча. – Держи, Филиппе, – протянул юнга сокровище. – Лежит прямо на поверхности.

– Что это? – приуныл матрос, ожидавший увидеть золотые монеты. – Песок?

– Золотой песок, – определил Диего.

– Блестит, – подтвердил Николай. – И впрямь – золото!

– Ух, ты! – обрадовался Педро. – Промыть бы...

– Успеем, – отмахнулся Диего. – Говоришь, много? Далеко?

– Полчаса хода.

– В темноте не наберешь, – пожалел Николай. – Может, заночуем?

- Зачем? – не понял Сибулета.
- У нас нет лотков, – возразил Диего.
- Сделаем из топляка.
- Ты добывал золото?
- Нет. А ты?
- Я – моряк! – матрос гордо погладил длинную бороду с вплетенным алым шнурком.
- Научимся, – уверил Николай. – Клади землю на лоток, качай взад и вперед, пока не отмоешь песок. Много ума не надо.
- Чего ты говоришь? – упрекнул юнга. – Нас ждут на «Виктории».
- Что делать с рыбой? Она испортится, – возразил Диего.
- Наловим другую, – не раздумывая, решил Николай.
- Чудно, – вмешался Педро. – Если до ночи не вернемся, начнут искать, подумают – индейцы напали.
- Спрячем лодку на реке, через сутки приплывем.
- Получается, будто готовимся воровать, – запротестовал Сибулета.
- У кого? – упорствовал Николай.
- У короля.
- Че-го? – заныл Николай. – Никто не знает о золоте и не узнает, коли не проболтаешься.
- Мы воздвигли крест над заливом! Земля принадлежит Кастилии.
- Кастилии хватит земли, мы сохраним себе краешек.
- Педро прав! – прервал спор Диего. – С утра пришлют шлюпку, обойдут берега, наткнутся на лодку. Золото отберут, растянут нас на клетки. Тут полусотней девятихвосток не отделаешься – насмерть забьют.
- Поплыли домой, – устало промолвил Филиппе. – Я не хочу плетей. Намоем по мешочку, а где спрячем? Пронюхают в кубрике – один конец!
- Продадим офицерам, скажем – выменяли у индейцев, – не сдавался Николай.
- Где ты видел дикарей?
- Отвезем капитан-генералу, – рассудил юнга, – он даст награду.
- Жди, пока усы не отрастут!
- Давайте вернемся завтра на рассвете! – предложил Диего. – Вызовемся ловить рыбу, закинем сети, а сами за работу... Никому в голову не придет, что мы нашли золото.
- Это я нашел! – обиделся Сибулета.
- Двойную долю дадим, – искушал Николай. – Не возражаешь?
- Не знаю, – растерялся тот.
- Не будь дураком, счастье само в руки привалило! Где ты заработаешь столько денег? На островах? А если корабли сгниют на обратном пути? Жалованье уже получил, больше не дадут. Подумай хорошо!
- Страшно мне, – признался юнга.
- Пройдет, – Николай потрепал его по плечу – Завтра вернемся-заклучил он. – Давай сюда шапку, спрячем под банкой!

* * *

Пока рыбаки возвращались на «Викторию», небо очистилось. Засияли звезды, будто не было рваных облаков с летящим пухом снегом, исчезавшим на темной мерцающей поверхности залива. Задул теплый ласковый северный ветер, погнал рябь к южному берегу. Там полыхали костры, кипела работа. На черных силуэтах каравелл зажглись желтые сигнальные фонари, слабо забрезжил свет в окнах кают. Звонко ударил на флагмане колокол, гул раскатился по бухте. «Бум-бум!» – на разные голоса подхватили суда.

– Вот те раз, – промолвил Филиппе, – половина девятого, начало вечерней вахты, а я ожидал, что приплывем к «собаке»³.

– Успеем поужинать, – довольно заметил Диего, – в котле на донышке нас ждет похлебка!

– Холодно, продрог... – пожаловался сидящий у руля Сибулета.

– Подмени Педро – согреешься, – посоветовал Диего.

Шлюпка медленно обошла с кормы «Тринидад», направилась к заякоренной неподалеку «Виктории». Мерно поскрипывали уключины; натружено вздыхая, плескалась вода у бортов, покачивала облепленное чешуей суденышко. Засыпающая рыба трепыхалась в сети, шлепала по мокрому пайолу.

– Кто там? – окликнул от безделья дозорный.

– С «Виктории», – ответил Диего. – Рыбу везем.

– Много наловили?

– С треть лодки, – похвастался Диего.

– Ого! – удивился вахтенный. – Вчера наши рыбаки выбрали меньше пуда.

– Надо знать места! – свысока заметил Диего.

– Где рыбачили? – крикнул вослед матрос.

– У реки, – нехотя сообщил Диего.

– Прикуси язык! – тихо выругался Николай. – Завтра они поплывут туда.

– Ерунда, – прошипел Диего, – он уже забыл о нас.

– А если нет?

– Чего взъелся? Вся флотилия видела нас.

– День был солнечным, ясным, – вспомнил Филиппе.

– Смотри, не наври Барбосе чепухи! Он сразу догадается, – предостерег Диего. – Ты знаешь, какой самый простой способ обмануть человека?

– Нет.

– Говори половину правды и ничего не выдумывай!

– Попробую, – не поверил Николай.

– Золото хорошо спрятал? – спросил Диего, заметив через плечо приближавшуюся каравеллу.

– Под банкой. Пока сети выгрузим, что-нибудь придумаем.

– Подальше бы!

– Куда?

– Надо было зарыть на берегу.

– Задним умом все богаты! – надулся Николай.

Матросы подняли весла. Шлюпка проплыла метров двадцать, мягко уткнулась в борт каравеллы.

– Пробьешь дыру! – засмеялся низенький светловолосый канонир, немец из Аахена, Ганс Айрес.

– Все равно через неделю чинить потянем, – проворчал поднявшийся с банки Диего. – Брось конец, Коротышка! – Лодка счалилась бортом, гулко застучала об обшивку – Чего глаза пялишь? Позови ребят! – прикрикнул на канонира.

– Никак просыпал соль в штаны? – обиделся немец. – Али спереди промочил?

– Голодный он, – подсказал Николай.

– Что на костре не напекли? Рыбы вон сколько!

– Дров не нашли, – вспомнил совет Николай, – ели сырую.

– Желчь попала в рот?

³ «Собакой» называлась самая тяжелая ночная вахта – с полуночи до четырех часов утра.

- Зови народ, Коротышка! – крикнул Диего.
- Кто приплыл? – долетел с палубы голос Барбосы.
- Рыбаки, – ответил канонир.
- Как улов? – спросил Дуарте.
- Хорош.
- Привяжите на ночь лодку за кормой! – приказал Барбоса.
- Шаги затихли, скрипнула дверь.
- Эй, Коротышка! – возмутился Диего. – Долго нам ждать?
- Не ори! – сказал Ганс и отошел от борта.
- Вахтенный! – громко позвал Николай. – Куда подевался?
- Спустился со штурманом в трюм, – раздалось с марса. – Сейчас вылезет.
- Где остальные?
- Одни на берегу другие в кубрике давят клопов.
- Это нам на руку это хорошо, – прошептал Филиппе.
- Тсс! – погрозил Диего.
- Молчу... матрос прикрыл рот рукой.
- Заскрипела крышка люка, послышался разговор.
- Сеньор штурман, – позвал дозорный с марса, – лодка подошла.
- Чья? – спросил карабкавшийся по вертикальной лестнице сицилиец.
- Наша, с рыбой.
- Позови людей! – приказал офицер сопровождавшему вахтенному. Над бортом свесились черная густая борода, крючковатый нос.
- Молодцы! – обследовал добычу Антон Соломон. – Не костлява?
- Тает во рту, – похвалил Диего. – Жирная, без глистов. Брюхо вспарывали, проверяли.
- Давно вынули из сетей.
- Нет.
- Сегодня же посоли!
- Голова блеснула желтой шапочкой с золотым шитьем, развернулась, поплыла к баку. Из кубрика высыпали матросы. Раздавая тумаки направо и налево, боцман организовал разгрузку шлюпки. Плетеные корзины на веревках опускали вниз. В них накладывали рыбу, поднимали на палубу, с шумом, с криком, с бранью волоком тащили к трюмному люку. Серебристая чешуя холодно вспыхивала в свете фонарей, бурели плавники. У трюма на досках вспарывали животы, потрошили внутренности, обрубали хвосты и головы, полоскали тушки в лохани с морской водой. Улов укладывали слоями в дубовую бочку, пересыпали солью. Часть рыбы для котла оставили на завтра.
- На шум и гвалт вышел Барбоса, лениво наблюдал за работой, болтал со штурманом. Когда лодка опустела, на палубу по веревочной лестнице влез юнга, без шапки, в расшнурованной куртке с закатанными рукавами. Парнишка мигом подскочил к бочке, заглянул внутрь.
- Полная будет! – радостно сообщил ожидавшим внизу товарищам. Капитан прервал разговор, подошел к матросам.
- Лаврового листа не жалея, – посоветовал боцману, – клади больше перцу!
- Утром мы наткнулись на косяк в устье реки, – пояснил Сибулета. – Перегородили выход сетями и давай гнать... – он замахал руками, изображая стук веслами по воде. – Рыба кинулась в залив...
- Что у тебя блестит на куртке? – заинтересовался капитан.
- Вода, – стушевался парень. Он поспешно отряхнулся, но песчинки вгрызлись в грубую ткань, застряли между ниток.
- Вода? – не поверил Барбоса. – Подойди ближе!

Он схватил Хуана, притянул к фонарю.

– Разрази меня гром! Золото! – ахнул боцман.

Куртка на груди предательски переливалась желтоватыми металлическими крапинками.

– Золотой песок! – Соломон оттолкнул Родоса и попытался ногтем выковырнуть крупы.

– Где взял? – спросил Барбоса.

– Не знаю, – испугался парнишка. – Отпустите, сеньор капитан!

– Не знаешь?! – взорвался Барбоса и ударил его кулаком по лицу— Говори, сволочь!

– Я не хотел... – заикаясь от страха, начал Сибулета и повернул голову к лодке. – Я не знаю... Я...

Дуарте отшвырнул парня, бросился к борту. Внизу на банке сидели Педро с Филиппе, Диего поднимался по лестнице, Николай помогал ему, поддерживал канат.

– Обыскать их! – приказал капитан. – Мигель, прыгай в лодку!

– Они не знали! – жалобно признался юнга.

– Не знали? – уцепился Барбоса. – Значит, нашел? – он принялся избивать Сибулета— Где, щенок?

Матросы обыскали у фонаря Диего, приволокли к бочке поднявшегося на каравеллу Николая. Боцман шарил в шлюпке. Не успели кладоискатели опомниться, а Филиппе, под ногами которого лежала шапка, хотел незаметно выкинуть ее за борт, чтобы хоть немного облегчить свою участь, Мигель ударил его в грудь, свалил с банки, вытащил золотой песок.

– Вот он! – воскликнул боцман. – Полную шапку намыли!

– Они не знали, не знали... – харкая кровью, повторял Сибулета.

Барбоса пинал его ногой.

– Соломон, запри их! – Дуарте отошел от юнги. – Покрепче запри и никого не подпускай! А этого, – кивнул на Хуана, – я возьму с собой.

Диего с Николаем скрутили, кинули в трюм, чуть не переломав кости. К ним присоединились битые Филиппе с Педро. Ужина с вином не предвиделось.

– Шесть человек в лодку! – скомандовал Барбоса. – Поплывем на флагман!

– Фу, сколько грязи, – Соломон попробовал песчинки на зуб. – Видать, торопились.

Он взвесил шапку на руке и радостно определил:

– Три фунта.

– Пожалуй, – согласился Барбоса.

– Поздравляю вас с великим открытием! – сказал сицилиец. – Какова ваша доля?

– Не знаю, – напыжился Дуарте. – Это зависит от капитан-генерала и Его Величества.

– Десять или пять процентов обеспечат вас на всю жизнь! – с завистью подсчитал штурман. – Наверное, там много золота, если за вечер столько намыли. Вы принесете первую радостную вест сеньору Магеллану.

– Шлюпка готова! – послышался снизу голос боцмана.

– Спускайся в лодку! – Барбоса толкнул юнгу к борту. – Не вздумай бежать, а то – убью! Сибулета в этом не сомневался.

Глава VI

Золотая обманка

Голубой месяц взошел над «Тринидадом», озарил его мертвым пепельным светом. Погасли костры на берегу, горячие угли тлели жаркими цветами тропического лета. Умолкла кузница, притушила печь, заткнула трубу от чертей и дьяволов, тоскливо завывавших за холмами.

Улеглись у блокгаузов собаки, поджали хвосты, задремали. Умаялись облезлые работы. Им бы теплые зимние шкуры, да апрель-месяц потрепал наряды. Тени корабля укоротились, расплылись пятном по выигравшей от ветра шири залива.

Лодка двигалась к флагману, переваливалась с борта на борт, натывалась на короткие хлесткие волны, обдававшие брызгами гребцов. Ухватившись за планшир и упершись в заспинную доску, Барбоса на кормовом сиденье взирал за матросами, торопил. У его ног на решетке в сырости и грязи юнга сбивчиво рассказывал о находке. Капитан удовлетворенно кивал, похлопывал Сибулету по плечу, подбадривал, обнадеживал, выспрашивал подробности. Когда парень умолк, сообщив и о вороне с каменными яйцами, Барбоса блаженно хмыкнул, выругался, притянул Сибулету за куртку и строго спросил:

– Кто твой капитан?

– Вы, – пролепетал кладоискатель.

– Помни об этом! – жестко наказал Барбоса и оттолкнул юнгу в лужу— Единственный судья и заступник! Единственный! – повторил он. – Понял?

– Да, ваша милость.

– Не вздумай болтать лишнего! Сгною в цепях, скормлю крысам!

– Я знаю, – испугался Сибулета.

– Вот и хорошо... – засмеялся Барбоса, зло глядя на него. – Скажешь капитан-генералу, будто я специально послал тебя к ручью искать золото!

– Зачем?

– Так надо.

– Но ведь я случайно... – и он осекся, услышав, как смолк противный смешок Барбосы.

– Ты ничего не понял.

– Нет, нет... Я скажу, – заторопился Сибулета. – Я скажу сеньору Магеллану, что вы послали меня искать золото.

– Потому что догадывался о его существовании в том месте, – подсказал Барбоса.

– На реке, у камней, – согласился юнга.

– А потом ты захотел утаить находку...

– Я?

– Разве не так? – Дуарте удивленно расширил глаза. – Команда видела, как ты спрятал шапку под банкой.

Сибулета молчал.

– Тебе напомнить?

Юнга замотал головой.

Моряки подошли к подветренному борту «Тринидада», вахтенные помогли Барбосе и Сибулете подняться на борт. Дуарте держал в руках завернутую в тряпку шапку с песком.

– Что сказать капитан-генералу? – спросил Сантандрес.

– Капитан «Виктории» прибыл по важному делу! – с достоинством заявил Дуарте.

Терпения соблудности этикет не хватило. Не дождавшись посыльного, он направился к родственнику. Юнга послушно плелся позади.

– Заходи, Дуарте! – приветливо пригласил адмирал шурина, когда тот ворвался в каюту. – Что случилось с тех пор, как мы расстались на закате?

– Выгони раба! – усаживаясь в кресло, потребовал Барбоса.

– Что с тобой? – веселость Магеллана исчезла. – Раньше он не мешал тебе.

– Дело слишком серьезное. Не хочу лишних ушей.

– Ступай, Энрике! – нахмурился Фернандо. – Что-нибудь с Картахеной?

Дуарте подождал, пока слуга покинет каюту, плотно закроев дверь.

– Я вспоминаю о контролере лишь тогда, когда жалею, что не отрубил ему голову, – тихо промолвил шурина, нервно постукивая пальцем по бархатной скатерти. – Сегодня у меня приятные новости.

– Неужели? – адмирал разглядывал взволнованного родственника. – Поймали великанов?

– На чьей земле мы находимся? – без ответа спросил Дуарте.

– Ты знаешь не хуже меня.

– На испанской, – выпалил шурина.

– Владения Португалии закончились. Залив принадлежит дону Карлосу.

– С землями вокруг него?

– Конечно.

– Мануэл может оспорить их?

– Нет. К чему пустой разговор?! Ты сам две недели назад украсил крестом гору Монте-Кристо. Или ты сомневаешься в том, что сделал?

– Я хотел подтверждения наших прав на залив.

– Разве португальцы отбирают гавань? – улыбнулся Фернандо.

– Имея грамоту королевского наместника, ты являешься верховным представителем короны, совладельцем собственности?

– Нет, я буду получать часть дохода, – пояснил адмирал.

– Какую?

– Это оговорено в каждом отдельном случае.

– И все же?

– Смотря, о чем пойдет речь.

– О золоте!

О! произнес Фернандо. – Сначала надо найти его. В заливе есть только мелкие жемчужные раковины миссильони.

– Я знаю, где есть золото! – выдохнул шурина.

– Ты? – изумился Фернандо.

– Мои люди нашли его там, где я указал.

– С каких пор ты стал предсказывать залежи? – криво усмехнулся адмирал. – Опять шутишь?

Барбоса развернул сверток, высыпал на тряпку песок. В тусклом свете фонаря мутно желтели песчинки. Адмирал придвинул свечу, посплюснул короткий палец, обмакнул в кучу. Прилипшие частички поднес к пламени, долго смотрел на огонь, на палец, на кучу. Брал новые порции, подносил к свету, изучал.

– Где взял? – как бы равнодушно спросил у шурина, тот не ответил. – Юнга принес? – кивнул на парня. – Давно? Впрочем, понятно, не вчера. Сколько ты хочешь?

– Десять процентов, – внешне спокойно сказал Дуарте.

– Так дело не пойдет, – адмирал стряхнул с пальца песок, брезгливо задернул тряпку. – Ты не понимаешь, чего требуешь от меня? – Он отошел от стола, уселся в кресло. – Я все равно узнаю, откуда оно, – многозначительно посмотрел на Сибулету.

– За ним двадцать пушек, – напомнил шурина, – и отборная команда.

Юнга спиной ощутил холодок, захотелось сесть прямо на пол.

– Три процента, – процедил сквозь зубы адмирал.

– Ты обкрадываешь меня! – возмутился Дуарте. – Золото лежит на поверхности, хоть лопатой гребь.

– Много? – насторожился Магеллан.

– Достаточно, – уклонился от вопроса шурин.

– Вдруг оно плохого качества? – адмирал сцепил руки и нахмурил брови, будто собирався отказаться от сделки.

– Пригласи Моралеса – он проверит!

– Нет, нет, – замахал руками Фернандо. – Успеем.

– Тогда – десять! – решительно потребовал Барбоса.

– Если матрос нашел золото, о нем непременно знают индейцы, – вычислил адмирал. – Проще поймать туземца, чем договариваться с тобой. Завтра или послезавтра солдаты приведут дюжину дикарей! Твое золото будет стоить не дороже десяти зеркалец.

– Разведчики не заметили металла на великанах.

– На шкурах, заменяющих им плащи, – парировал адмирал. – Три процента – предельная цена.

– Десять! – отрезал шурин.

– Послушай, – мягко сказал Фернандо, – почему ты решил, будто за юнгой и тобой стоят пушки? За спиною Сибулеты – Энрике, за твоей, – кольнул глазами Дуарте, – малиновый бархат.

– Угрожаешь?

– Боже упаси! Ты сам упомянул о пушках, но плохо считаешь.

– Девять, – уступил шурин.

– Верный ход! – поддержал Магеллан. – Пора спуститься с облаков на землю. Королю не понравится участие в деле лишних людей. У тебя нет прав на землю, лишь сомнительное знание расположения золотоносных жил. Я бы мог помочь тебе, как родственнику...

– Девять, – упрямо повторил капитан.

– Губернатор Дуарте де Барбоса, – Магеллан подчеркнул дворянскую приставку, – красиво звучит?

– За сотню тысяч дукатов я куплю любой титул, – вежливо отказался от милости шурин. – Если император узнает о золоте от меня, то сохранит тебе долю?

Довод не понравился Магеллану.

– Четыре, – прибавил он нехотя.

Торг продолжался, будто не было общей опасности последних лет, общих надежд и невзгод, будто встретились незнакомые люди, будто несколько недель назад не висели их жизни на волоске и не победили они благодаря совместным усилиям. Спор затихал и усиливался, в ход шли новые аргументы, вспоминались старые, словно от количества повторений они приобретали вес. Торг прерывался посторонними разговорами, чтобы вспыхнуть с удвоенной силой. Как бы мимоходом Барбоса сообщил о попытке Сибулеты утаить находку а Магеллан выказал неподдельный гнев, игнорируя тот факт, что шурин сейчас действует не менее коварно и достоин порицания. Но торговаться офицерам было естественно, а неповиновение «парня с бака» являлось преступлением.

– Шесть процентов! – трахнул ладонью по столу шурин. – Зови нотариуса!

– Давно бы так, – согласился адмирал.

Довольные сделкой, они дружно развернули тряпку, поднесли к огню, начали осторожно пересыпать песок.

– Кликни нотариуса, – напомнил Дуарте, – оформим документы!

– Погоди, – не спешил Фернандо. – Сначала проверим качество.

- Опять за старое... – опечалился Барбоса. – Говорю тебе...
- А вдруг обманка?
- Взвесь на руку!
- Мусора полно, – возразил Фернандо. – Не повторилась бы ошибка Колона! Из первого плавания на Эспаньола он привез обманку и доказывал, будто нашел золотую руду.
- Здесь не руда, а чистое золото! – Дуарте взял щепотку, посыпал перед свечой. – Блестит, играет...
- Все же, давай проверим! – настаивал Магеллан.
- Хорошо, – сдался шурин. – Пусть Моралес исследует, а после сразу подпишем контракт.
- Слово чести!
- Эй, воришка, – повеселел Дуарте, – позови врача!
- Радостный Сибулета выскочил из каюты.

* * *

В тесном треугольнике форпика-лазарета «Виктории» на полу (кровати для матросов были большой редкостью), на тюфяках, набитых соломой, головой к борту, ногами в проход лежали больные. Воняло серой. Теплым днем матросы вынесли хворых на палубу, потравили в кубрике клопов, кишевших в углах, срывавшихся с потолков. Кто-то грустно пошутит, будто в Преисподней лучше, ибо там нет бегущих от зловония насекомых. Хотя матрасы и одеяла тщательно обкурили, вши сохранились и нещадно кусали людей. Отец Антоний читал страждущим при свете фонаря:

«Не делайте себе изваяний и кумиров, не ставьте столбов, не кладите камней с изображениями в земле вашей, чтобы кланяться перед ними; ибо Я Господь, Бог ваш.

Соблюдайте Субботы, чтите Мое Святилище. Если будете поступать по Моим уставам, исполнять и хранить заповеди, то Я дам вам дожди в свое время, а земля – произрастания, полевые деревья принесут плоды. Молотьба хлеба продлится у вас до сбора винограда, собирание винограда – до посева; станете есть хлеб досыта, жить безопасно. Пошлю вам мир, изгоню лютых зверей: ляжете, и никто не побеспокоит вас; меч не пройдет по земле. Будете побеждать врагов, они падут пред вами от меча. Пятеро из вас осилят сто, а сто – тьму. Призрю на вас, сделаю плодородными, размножу, останусь тверд в завете с вами. Не будете есть старое, прошлогоднее, выбросите его ради нового. Построю Свое жилище среди вас, душа Моя не возгнушается вами. Буду ходить среди вас, стану вашим Богом, а вы – Моим народом. Я Господь, выведший вас из земли Египетской, чтобы не были рабами, сокрушивший узы вашего ярма, поведший вас с поднятою головою...»

Исхудавшие руки Антония нежно гладили страницы, ползали по буквам. Монах перевел дыхание. Поднял темные глаза, выразившие умиление. Немошная паства замерла, почесывалась, вздыхала. Не будь священника, моряки бы сквернословили, проклинали болячки, ругали цирюльников за грубое пускание крови, передразнивали неторопливую речь Моралеса, сетовали на отсутствие девок, из-за чего проистекают недуги. Но сейчас верили и молились о заступничестве и выздоровлении. Францисканец поднял ко лбу пальцы, перекрестился. Как по команде, два десятка рук осенили себя крестным знамением. Очнувшийся после недельного бреда Глухой последовал примеру соседей. Священник тяжело вздохнул, будто что-то мешало выполнять простые требования, сулившие благодать на земле, перевернул страницу, понизил голос и мрачно продолжил:

«Если же не послушаете Меня, не будете исполнять заповедей, если презрите Мои постановления, и душа ваша возгнушается Моими законами, так что нарушите завет, то пошлю на вас ужас, чахлость, горячку, от которых истомятся глаза, измучается душа, будете

напрасно сеять семена, враги съедят их. Обращу лицо на вас, и падете пред врагами, неприятели будут господствовать над вами; побежите, когда никто не гонится за вами. Если после этого не послушаете Меня, то увеличу наказания за грехи. Сломлю ваше гордое упорство, сделаю небо, как железо, а землю, как медь. Напрасно будет тратиться ваша сила, земля не даст произрастаний, деревья не принесут плодов...» (Лев. 26).

Вашко Гальего с закрытыми глазами слушал проклятия Господа. Он видел низкое свинцовое небо, грозным электричеством придавившее корабли, красную опаленную землю с пустынными городами и дорогами; диких зверей, пожирающих женщин и детей; людей с язвами на теле, побиваемых мечами врагов; голод и разруху.

«Почему Господь жесток и несправедлив? – думал кормчий. – У Него больше проклятий, чем посулов благополучия. Почему общавшийся с дьяволом Глухой поправляется, а я, без молитвы не преломивший хлеба, слабею? Разве я мало верил и совершил больше грехов, чем другие? За что Бог мучает меня?»

«Будете есть плоть сынов и дочерей, – читал Антоний. – Разорю высоты, разрушу столбы, повергну трупы на обломки идолов. Сделаю города пустыней, опустошу святилища, не буду обонять приятного благоухания ваших жертв...»

Кормчему стало страшно. Вспомнилось хриплое дыхание умершего на рассвете парня. Вчера он пытался ходить, смеялся, а вечером началась рвота с сильнейшим поносом. Он лежал в грязи и стонал, в кубрике смердело. Санитары выдернули из-под умиравшего матрас, прикрыли тело обрывком паруса. К полуночи парень затих, ровно задышал, уснул. Его не исповедовали, не причастили. Когда в темноте после «собаки» пробили склянки, раздались резкие хлопки, будто лопались кожаные мешки с воздухом. Редкие судорожные движения легких матроса, с напряжением выгонявших воздух, будто душа рвалась наружу, напоминали пьяный храп. Он то прерывался – и соседи слышали слабое дыхание, – то становился громче. Что-то мешало парню в груди, он силился вытолкнуть это и не мог. Не прошло и получаса до следующих банок, как парень затих. Его не трогали, хотели поверить, будто заснул. Мерзкое ощущение присутствия мертвеца поползло по кубрику. Сон улетел, больные лежали и ждали, кто отважится заглянуть под парус?

– Что с вами? – Антоний окликнул кормчего. – Вы сегодня не слушаете меня.

– Почему Всевышний жесток, – неожиданно спросил Гальего, – требует веры из-за страха?

– Он грозит отступникам. Ни один волос не падет с головы праведника, – пояснил Антоний.

– Отчего же все умирают?

– Каждому свой час, – привычно произнес священник.

– Нет, – возразил кормчий, – Господь суров. Даже Сын Его, искупивший грехи человеческие, говорил: «Не мир Я принес, но — меч!» А мы, черви морские, созданы по Его образу и подобию, поэтому убиваем друг друга.

– Иисус заповедал любовь, – напомнил францисканец. – Он отринул старую заповедь Моисея «Око за око, зуб за зуб» и сказал: «Возлюби ближнего, как самого себя!».

– Я много плавал и не видел, чтобы люди любили других, «как самого себя».

– Вы больны, раздражены, – Антоний попытался успокоить штурмана. – Придет время, и все поймут простую истину.

– Когда?

– По пришествии Царствия Божия на землю.

Я не доживу до тех лет. Господь отмерил мне мало жизни.

– Кто вам сказал?

– Я знаю, я чувствую, как она уходит.

– Вас мучают боли?

– Хуже... Душа устала.
– Уповайте на Господа, молитесь!
– Не хочу, – сознался Вашко. – Не хочу вставать, думать, молиться. Все надоело.
– Это ужасно! – забеспокоился Антоний. – Вы не верите в Царствие Божие? Не слышите поющих в ночи ангелов?

– Они поют другим, – кормчий с завистью и укором посмотрел на Глухого.
– Не думайте так, – попросил священник. – Я помолюсь за вас.
– Господь жесток, – повторил Гальего, – не беспокойте Его. Если Он решил отнять у меня жизнь, то не отступит.

– Мм... М-му... – замычал сосед.

– Что тебе? – Антоний подошел к Глухому – Тяжело? – Дотронулся до липкой волосатой груди. – Пламенем горишь... Сейчас полегчает... – приложил к груди Библию. – Во имя Отца, Сына и Святого духа... – начал читать молитву, но тот застонал, сжал сухие рас трескавшиеся губы, заворочался. Тяжелая книга скатилась на пол.

– Пить хочет, – сказал молодой матрос с язвами на теле.

Антоний перекрестил Глухого, пошел к бочке. Деревянная бадья была пустой, железный ковш валялся на дне. Священник тщетно поскреб мокрое доньшко, взял ковш, направился в трюм, где хранилась свежая питьевая вода. Он добрался в темноте на ощупь до бочки, зачерпнул пахнущую илом холодную жидкость, напился. Стараясь не разлить воду и опасаясь наскочить на стену или грузы, уложенные по краям прохода, выставил левую руку в пустоту и побрел назад. Антоний слышал, как по полу пробежали крысы, боялся ненароком раздавить мерзкую тварь.

На палубе застучали каблуки, за спиной закрипел и отворился люк. Желтое пятно света выхватило бочки, мешки, спускавшиеся по лестнице ноги, штаны штурмана-сицилийца. Оглядевшись и не заметив священника, Антон Соломон подняв фонарь над головой, крикнул вверх: «Мартин, давай их по одному!» Загremели цепи, тускло блеснуло железо. Антоний узнал закованного в кандалы Филиппе. За ним показались трое моряков. Арестанты понуро побрели в каморку, служившую карцером. Штурман шел впереди.

Зазвенели ключи, щелкнул замок, лязгнул железный засов, закрипела дубовая дверь – пленники втиснулись в пустой сырой чулан, не более четырех квадратных метров, без окон и вентиляции.

– Я оставлю фонарь и принесу поесть, – пообещал Соломон, – если скажете, где нашли золото.

– Мы не виноваты! – взмолился Педро. – Хуан один знает место.

– Мы ничего не слышали, – поддержал Филиппе.

– Завтра вам не дадут хлеба с водой! – штурман припугнул арестантов. – Через неделю начнете пить кровь друг у друга, хотя каждый юнга будет знать, где оно лежит. На рассвете туда отправятся десятки людей. Зачем вам скрывать место?

– В камнях у ручья, в получасе ходьбы по правому берегу, – глухо промолвил Диего.

– Не лжешь? – Соломон повысил голос – Поклянись!

– Чтоб мне не увидеть берега... – послышался торопливый голос. Резко вскрикнула дверь, стукнул замок. Гулко в крошечной темноте сапоги протопали к лестнице. Священник постоял, расплескивая дрожащей рукой воду и раздумывая: вернуться в кубрик или узнать у заключенных, о чем шла речь? Мыши зашуршали под ногами, капеллану ужасно захотелось скорее вернуться к свету. Он поборол любопытство, осторожно пошел в лазарет.

* * *

– Вы звали меня, сеньор капитан-генерал? – Моралес изящно поклонился, снял большую бархатную шапку, спрятал живот. Розовые щеки слегка надулись. – Юнга сказал, будто нашел золото. – Близорукие глаза заметили на столе сверток, прищурились, цепко впились в тряпки.

– Надо проверить качество металла. – Магеллан откинул покрывало. – Вы сумеете отличить золото от обманки?

– Разумеется, – это очень просто!

– Что для этого необходимо?

– Достаточное количество чистого песка и весы.

– Зачем?

– Обманка в шесть раз легче золота, – свысока пояснил Моралес, разглядывая кучу—
Здесь много грязи... – он заколебался.

– Нужно очистить? – расстроился шурин.

– Вы торопитесь?

– Да, – признался Дуарте.

– Тогда опустите в кислоту, – посоветовал врач.

– Что произойдет?

– Золото опустится на дно, а обманка растворится.

Моралес поднес щепотку к носу, поглядел на цвет.

– Красиво блестит! – радостно заметил Барбоса.

– Лучше бы оно не блестело, – кисло ответил испанец.

– Почему? – не понял Дуарте.

– Слюдяная обманка играет ярче тусклого металла, – изрек врач, пытаясь взвесить песчинки на пальце.

– Тяжелые? – забеспокоился Барбоса.

– Не пойму. Они подозрительно желтоваты.

– Потерлись друг о друга... – подсказал шурин. Моралес язвительно усмехнулся, покачал лысоватой головой. – Чего медлишь, эскулап? – взъелся Дуарте. – Быстрее тащи кислоту, а то я вылью ее тебе на макушку!

Обиженный врач выпрямился, хотел ответить не менее оскорбительно, но адмирал опередил его.

– Не груби, Дуарте! – одернул шурина. – Не то выгоню тебя за дверь!

– Извини, Хуан, – спохватился Барбоса, – черт попутал.

Моралес удовлетворенно крикнул, взял щепотку со стола, долго молча изучал. Его не торопили. Выдержав паузу, сказал Магеллану, что золото от обманки можно отличить по форме песчинок, но ослаб глазами и не в состоянии это сделать.

– У вас есть кислота? – спросил адмирал.

– Найдется.

– Тогда принесите ее, и все станет ясно.

Моралес ушел, а Дуарте, не в силах усидеть в кресле, вскочил на ноги, закружил вокруг стола в тесном проходе.

– Блестит? Нормально блестит! – размахивал он руками. – По форме? Замечательная форма, обыкновенная! Песок на всех материках одинаков!

– Сядь! – попросил Фернандо. – Голова кружится.

– Кто подтвердит, будто Моралес имеет настоящую кислоту, а не смесь, поедающую золото?

– Золото сохранится без изменений, – возразил Магеллан.

– Ты веришь ему больше, чем мне? – шурин остановился.

– Конечно, – равнодушно заметил Фернандо.

Шурин опустился в кресло. Так просидели минут пять, пока в коридоре не послышались шаги.

– Я забыл узнать, – с порога сказал Моралес, – золото лежало поверх песка или внизу?

Адмирал посмотрел на шурина, тот на юнгу.

– Сверху, – пролепетал Сибулета, – будто нарочно посыпали по краям родника.

– Тогда это – обманка! – важно заявил врач.

– Не может быть! – выкрикнул ошеломленный Дуарте.

– Вода выносит на поверхность более легкие песчинки, – объяснил Моралес, – а так как обманка легче золота и песка, то оказывается снаружи.

– Здесь все перемешано.

– Сейчас вы убедитесь в моей правоте.

Врач опустил на стол ящик с пузырьками. Родственники придвинулись ближе, любопытный юнга спрятался за спиной капитана. Моралес осторожно налил из граненой баночки маслянистую жидкость в прозрачный маленький стаканчик, бросил золотые песчинки, стал медленно размешивать фарфоровой палочкой. Песчинки собрались в кучку посреди склянки, помутнели, запузырились, начали заметно исчезать.

– Что я говорил! – победно выпрямился врач, с усмешкой поглядывая на взволнованного Барбосу.

– Чепуха! – закричал шурин. – Посмотрим, не пропадет ли это золото?

Он снял с пальца перстень с изумрудом, талисманом капитанов с древнейших времен, зажал камень в пальцах, принялся полоскать дужку в кислоте. Между тем, песчинки совсем растворились, а перстень не таял.

– У вас хорошее золото! – похвалил Моралес.

– Возьми, проверь монету! – Фернандо подал шурина реал. – Не обожги пальцы!

Дуарте не обратил на него внимания, упрямо совал перстень в кислоту. Наконец, он понял ошибку. Зло взглянув на юнгу, со страхом отскочившего к двери, вытащил перстень из склянки, отер полый куртки, мгновенно пожелтевшей от соприкосновения с кислотой, надел на палец. Наступила тишина. Было слышно, как кто-то пробежал по коридору, постучал в каюту.

– Сеньор штурман с «Виктории» просит разрешения переговорить наедине с капитан-генералом по неотложному делу, – доложил Энрике.

– Я могу идти? – осведомился Моралес, укладывая пузырьки в ящик.

– Благодарю вас, вы нам очень помогли, – с сожалением произнес Магеллан. Он дождался, когда врач вышел, и подозвал слугу— Что надо Соломону?

– Он просил наедине, – напомнил Энрике.

– Говори! – устало велел командующий. – Зачем скрывать от капитана дела на корабле?

– У него важное сообщение о золоте, – шепнул раб на ухо хозяину, но Дуарте прочитал по губам.

– Ха-ха! – засмеялся шурин. – Еще один кладоискатель! Держу пари, он ни о чем не догадывается! Вот сволочь! Захотел обойти меня!

– Зови! – повеселел Фернандо.

В дверь вкрадчиво постучали.

– Войдите! – громко позволил адмирал.

В узкую щель пролезла задница в желтых штанах, спешно прикрыла дверь. Штурман выпрямился, обернулся, обомлел от вида капитана.

– Я... Я... – залепетал Соломон. – Я хотел сообщить дополнительные сведения о золоте, – нашелся сицилиец.

– Похвально, – заметил адмирал. – Однако вы опоздали, рудники будут принадлежать Барбосе. – Шурин вальяжно развалился в кресле. – Я уступаю ему право собственности.

– Неужели? – удивился штурман.

– Чего тебе надо? – грубо оборвал Дуарте.

– Мне указали точное место, – приуныл сицилиец.

– Родник у камней?

– Совершенно верно, сеньор капитан, – подобострастно кивнул штурман. – Я опасался, что матросы обманут вас.

– Молодец! – угрожающе рявкнул Дуарте, но вдруг смягчился, взглянул на обманку и милостиво сказал: – Пожалуй, тебя нужно наградить. Забирай все это золото. Через месяц у меня будет полный трюм чистейшего песка!

– Вы так щедры! – засиял Соломон, схватил тряпку, попятился к двери. – Господь не забудет ваш добрый поступок! – и, не ожидая дальнейших слов, выскочил из каюты.

Родственники захохотали.

* * *

Утро следующего дня выдалось солнечным, с теплым ровным северным ветром, гнавшим к берегу мелкие частые волны. Боцман «Виктории» Мигель де Родос выстроил команду у грот-мачты, рядом отдельно встали офицеры. Капитан в нарядном кафтане вышел из каюты со свитком в руках, поздоровался с моряками, приказал привести провинившегося. Двое вооруженных солдат в ржавых доспехах выволокли из трюма закованного в цепи юнга, загнали на деревянную раму вентиляционного люка у мачты. Охрана вытянулась по бокам.

– Внимание! – крикнул боцман, свирепо глядя на застывшую команду— Слушай приказ капитана!

Барбоса развернул свиток, прочитал громким голосом, что за попытку обмануть командира, стремление утаить найденное золото, оказавшееся фальшивым, юнга Хуан де Сибулета из Баракальдо, пятнадцати лет от роду, приговаривается к наказанию плетью. Плававшие на рыбалку матросы нанесут ему сорок ударов, по десять каждый, чтобы впредь никто не лгал офицерам. Капитан предложил парню сказать слово в свою защиту, чтобы смягчить приговор или добиться его отмены.

Перепуганный юнга молчал, дрожал, ничего не отвечал.

– Раздеться! – велел Барбоса.

С парня стянули рубашку, надели на руки петлю, вздернули вверх на тросе. Ноги заступни прочно привязали к поперечине. По команде боцмана ряды расступились, к фалрепу вышли товарищи Сибулеты. Мигель де Родос вынул из кожаного футляра плеть с красной рукоятью и девятью хвостами с вплетенными свинчатками на концах, протянул Филиппе. Тот вздрогнул, заколебался, но взял девятихвостку.

– Будешь плохо пороть – растянем рядом! – боцман подтолкнул матроса к парню.

– Прости, Хуан, – слезливо пролепетал Филиппе, поднимая руку. Свистнула плеть, впи-лась в тело подростка. Он рванулся изо всех сил, обмяк.

– Сильнее! – пригрозил Мигель.

Не услышав крика, Филиппе успокоился и с плеча резанул юнга. Посыпались хлесткие мерные удары. Парень мотался на веревке и только тяжело вздыхал.

На втором десятке порвалась кожа, выступила кровь. Струйки потекли по спине в штаны. Сибулета дико застонал, широко раскрыл рот, уперся глазами в капитана. На третьем

десятке голова начала болтаться в стороны, он потерял сознание. По праву доктора, жалостливый Моралес прекратил истязание. Окровавленное тело отнесли в лазарет.

– А ведь они знали о золоте! – выкрикнул кто-то из толпы в спину капитана.

Ссутулившись, втянув голову в плечи, Барбоса поспешно ушел в каюту. Опасаясь волнений, боцман погнал команду для работ на берег. Решетку убрали на место, палубу омыли водой, натерли пемзой. Но еще долго в ушах моряков звучали крики юнги.

Глава VII

Поход Серрана

Неожиданный северный ветер принес потепление, звал за собой флотилию на юг. Адмирал велел срочно подготовить к выходу из бухты «Сант-Яго», разработал совместно с Серраном план разведывательной экспедиции. Цель заключалась в отыскании прохода в Южное море, исследовании береговой линии, выборе более удобной стоянки кораблей. «Сант-Яго» – самое маневренное мелкосидящее судно, водоизмещением в 75 регистрационных тонн – лучше других кораблей подходило для опасной лавировки среди камней и мелей незнакомого берега. Хорошо оснащенный корабль, с тридцатью восьмью матросами и офицерами, под грохот прощального салюта в конце апреля покинул Сан-Хулиан.

С левого борта ослепительно светило бесцветное солнце, по-зимнему безразличное и неласковое. Оно было неспособно растопить плавающие ноздреватые льдины с зеленовато-голубыми переливами дешевого венецианского стекла. Стальная блестящая вода лизала сахарные глыбы, с шумом ударялась в рассыпающиеся подтаявшие края, шлифовала их, накрывала волной. Снежные чайки с криком кружились над отмелями в пустынном небе, разросшемся во всю ширь Атлантики. Бледно-синеватое, с размытыми серыми облаками, оно пахло морской свежестью, без примеси дыма и земли.

Кренясь на правый борт, каравелла шла в полветра легко и ровно, поскрипывала трущимся деревом, железными скобами руля. Вздрыбились стянутые канатами старые паруса, покрытые цвелью, избородившей плотную ткань. Распрямились вымпела, потянулись на юг к темной неровной полоске с белыми отметинами сугробов. Весело хлопали на стенах алые ленты, путались в снастях, взлетали над головами, причудливо изгибались змеями, жалили раздвоенными языками соседние мачты.

– Как хорошо! – сладко потянулся Серран. – Море, ветер, сам себе хозяин – плыви куда хочешь! – он распахнул на груди ватную куртку, закрыл глаза, повернулся к корме. Ветер сдул бороду за плечо.

– Э-э, нет, – возразил штурман, тоже довольный началом плавания и немного навеселе, – «куда хочешь» не получается. Я желаю на север.

– Куда? – переспросил капитан.

– К тропикам, – пояснил офицер.

– Ты серьезно? – Серран обернулся к нему— Что с тобой, Бальтасар? Погода не нравится?

– Ветер добрый, попутный... – похвалил штурман. – Надолго ли?

– Бог даст, потянет неделю, – Жуан размашисто перекрестился. – Сотню лиг пройдем.

– Бр-р... – затряс головой Бальтасар. – Во льдах?

– Выпутаемся. – Капитан смерил на глаз расстояние до земли, взглянул на компас в нактоузе и приказал: – Парни, возьмите на мыс! Вон на тот, – ткнул пальцем в берег.

– Наскочим на камни, – испугался штурман, осматривая с юта поверхность воды. – Подальше бы от греха.

– Ерунда, – успокоил Серран, – с марса заметят.

Вахтенные Окасио и Баскито навалились на румпель, сдвинули на полшага.

– Так держи! – одобрил Серран. – Говоришь, подальше бы... Так мы свое счастье пропустим! – подошел к штурману— Нам незачем соваться во льды, там не найдешь пролива. Крайняя точка – семьдесят пятая широта.

– Семьдесят пятая? – от изумления штурман чуть не заикнулся. – Господи, семьдесят пятая!

- Испугался, итальяшка?
- Езус Мария, разве можно так шутить?
- Я не смеюсь. Адмирал мечтает спуститься до семьдесят пятого градуса.
- Он послал нас туда? – ужаснулся штурман.
- Немного ближе. Я же говорю: нам бы за оттепель сотню лиг проскочить, а потом повернем назад.
- Ух, – перевел дух Бальтасар. – Семьдесят пятая! – повторил, покачивая головой. – Если бы я знал, если бы знал...
- Ха-ха, – захохотал капитан. – Все равно пошел. Я знаю тебя!
- Ни за что на свете! Пусть будет проклят день и час, когда я поверил твоим рассказам о несуществующем проливе, когда подписал контракт, ступил на это корыто!
- Брось! – посерьезнел Серран. – Мы найдем пролив. Чем мы хуже других?
- Кого?
- Видевших его.
- Кто видел?
- Не знаю.
- О, святая Мария, опять старые разговоры! Неужели здесь плавали люди? – штурман неприязненно огляделся по сторонам. – Ни крестов, ни падранов, ни селений, ни могил...
- Капитан-генерал уверен, что пролив где-то поблизости, – сказал Серран. – Поэтому дал нам мало времени для исследования побережья. Мы первыми отыщем проход в Южное море!
- Заманчиво, – то ли согласился, то ли усмехнулся штурман. – Пролив Жуана Серрана!
- Красиво звучит, – не понял насмешки португалец.
- Почему сеньор Магеллан не показывает карты?
- У него нет оригиналов, только копии. Он держит их в секрете.
- Сеньор капитан, – закричал с палубы боцман Бартоломео Приор, подстать начальнику низкорослый светловолосый испанец, – мы идем к берегу?
- На юг!
- Я прикажу Фодису замерить дно.
- Валяй!
- Боцман скрылся в паутине снастей. С руслени фок-мачты послышался мягкий неторопливый голос нормандца.
- Десять футов под килем, – нараспев доложил Ричард.
- Кинь лот еще раз! – велел Бартоломео плотнику.
- Десять футов под килем, – монотонно пропел Фодис.
- Вахта левого борта, подтяни грот! – скомандовал боцман. Пять молодцов бросились к брасам, но рей не сдвинулся с места. – Вахта правого борта, помощи! – прикрикнул Бартоломео.
- Господь сошел на землю к нам, – затянул матрос куплет рабочей песни.
- О! – прокричал боцман, подавая сигнал к рывку.
- Хвала тебе, Иисус! – подхватили десять глоток после ритмичного движения.
- Прошелся по воде, – продолжал запевала.
- О! – вновь выдохнул старший, и двадцать рук потянули канат, разворачивая рею на мачте.
- Хвала тебе, Иисус! – раздался дружный припев.
- Земля на горизонте! – вклинился в шанти звонкий мальчишеский голос из «вороньего гнезда».
- Круто идем, – покачал головой штурман.
- Зато каждая выемка видна, – возразил капитан.

- Восемь футов под килем – зычно доложил Фодис— Веревочку кидать?
- Лот, а не веревочка, доска дубовая! – пояснил Бартоломео.
- Задул нам в паруса, – пели вахтенные.
- О!
- Хвала тебе, Иисус!
- Какое дно? – спросил Серран.
- Песчаное, – доложил боцман после осмотра свинцового грузила с просаленным донышком.
- Так и пойдем! – капитан выровнял судно вдоль берега.
- Молодцы, хорошо работают! – похвалил штурман вахтенных.
- Засиделись парни на берегу, стосковались по морю, – промолвил Серран. – Только бы погода не испортилась. Сходи проверь, не пришивает ли парусный мастер встречный ветер, спрятал ли нитки с иголками? Пригрози, чтобы не вспоминал о них!
- Чайки кружат... – вздохнул Бальтасар.
- Молчи! – суеверно запретил капитан перечислять дурные приметы.
- Бизань скрипит – к попутному ветру, – поправился штурман.

* * *

Короток зимний день. Ленивое солнце помаячило над горизонтом, плюхнулось в воду. Небо пожелтело, покраснело, налилось чернильной синью. Близкий берег сделался далеким, размытым, море – предательски зловещим.

Не найдя удобной бухты для ночной стоянки и опасаясь наскочить на камни с отмелями, Серран отвел корабль от земли, бросил якоря. Свежий ласковый ветер звал к далеким звездам, вспыхнувшим на юге в стране снегов и вечного льда. Там небо слилось с океаном. Казалось, будто поднявшаяся до светил огромная волна медленно надвигается на каравеллу. Можно поплыть ей навстречу и лететь до рассвета, пока несут паруса и не изменится ветер. Но так легко проскочить заколдованный пролив, очутиться во власти сказочных троллей, заманивающих странников в дебри леса или холодные скалы, о которых рассказывал нормандский плотник.

Крупный боцманский пес почуял остановку, задрал облезлую лапу на борт, помочился у трюмного люка. Почесался от вшей, выдрал старую шерсть, улегся неподалеку.

– Пшел вон, Амадис! – Бартоломео пнул псину. Носитель рыцарского имени поджал хвост, поплелся на корму. Грот с реем рухнул на опустевшее место. – Торопись, ребята! – приказал Коротышка.

Вахтенные скрутили парусину, уложили вдоль борта. Пес важно вернулся назад, сел на тряпку, наблюдал за хозяином. Матросы спустились в трюм, где у корабельной печи, цепляя ногами песок, юнги варили ужин. Потрескивали припасенные в Сан-Хулиане сырые дрова, кипела похлебка. Пряный запах лаврового листа смешивался с испарениями свежей глины, покрывавшей кирпичи. Белые клубы пара поднимались к потолку. В уютном уголке, между печкой и дровами, приютился Фодис с чуркой и косым ножом в руке. После напряженного дня плотник резал скульптуру покровителя иберийских моряков, святого Антония. Ричард плевал на лучезарный лик, чтобы лезвие мягче входило в дерево, открывал глаза монаху.

– Гореть тебе на вечном огне, – предрек Санчо Наварре и перекрестился. – Плевать святому в лицо! За такой грех язык отсохнет!

– В Нормандии все так режут, – возразил плотник.

– За это Господь карает вас непрекращающейся войной, – рассудил солдат. – Язычники не ведают, что творят, а ты?

– Меня отец учил, отца – дед, деда – прадед.

– Неужели они плевали на святых?
– Зачем дома плевать? Проще тряпочкой смочить. Здесь иное дело, на волнении вода выливается из миски. Так удобнее.
– Де ла Рейна за это разбил бы тебе башку поленом.
– Пытался, да Бог не дал, – добродушно улыбнулся Фодис— Я попрошу капеллана «Консепсьона» окропить Антония.
– Чем же плох наш священник?
– Тоже дерется.
– Как ему освещать оплеванную статую? – возмутился Санчо.
– Отмою с молитвой, загрuntuю мелом с лампадным маслом, покрою краской – будет не хуже сеvilских скульптур. Труд и вера искупят вину. Господь не осудит за благое дело.
– Дело хорошее, да работаешь с грехом, – не соглашался Наварре. – Как бы святой не прогневался, не наслал несчастье.
– Он хороший, добрый, – Ричард ласково погладил круглую оконечность полена с торчащими ослиными ушками, – все понимает и не обидится.
– У меня есть кусок парчи, – вспомнил Санчо. – Сшей Антонию плащ, но так, чтобы он знал о моем подарке.
– Сошьем, – согласился Фодис— Парусный мастер поможет.
– У штурмана припрятаны листочки сусального золота, – подсказал солдат.
– Ты откуда знаешь?
– Сам видел, когда он шкатулку открывал. Попроси на позолоту! На святое дело не откажет.
– Попробую.
«Ш-ш-ш...» – зашипела плита, поджаривая капельки бульона, выплеснувшегося из медного котла. Юнги сдернули крышку, принялись дуть на рвавшуюся наружу пену.
– Держи ее! – закричал Санчо и бросился на помощь. – Навар сбежит!
Парни раздували багровые щеки, загоняли пену внутрь котла.
– Убери пламя, пошуруй головешки! – командовал солдат. – Добавь соли! Не стой, поторапливайся!
– Из тебя вышел бы хороший боцман, – заметил Фодис.
– Боцман? – Санчо прервался на миг.
– Кричишь за двоих.
– Я не знаю морского дела, – не понял шутки Наварре.
– Научишься.
«Дзинь-дзинь-дзинь...» – пробили склянки, сзывавшие новую вахту на дежурство. Ноги дружно затопали к трюмному люку, в проеме послышался радостный распев:

Вахте конец, восемь склянок пробило.
Новая вахта выходит на смену.
Койки покиньте во славу Господню!
Встаньте на палубе у парусов!

Матросы гурьбой посыпались в трюм.
– Что сегодня на ужин? – Окасио вытянул вперед нос, шумно раздул ноздри, понюхал. – Морской черт?
– Он самый! – Санчо отошел от плиты.
– Готов?
– Да.
– За день отсчитали восемь лиг, – сообщил Баскито, вынимая из кармана сухарь.

– Не меньше, – поддержал Окасио, с завистью поглядывая на хлеб.
– Ты слышал разговор капитана с кормчим? – звонко хрустнул сухарем Баскито. – Пойдем до семьдесят пятой широты. Это далеко?
– Сразу за поворотом, – ухмыльнулся Окасио. – Дай пожевать!
– Где твой сухарь?
– Съел на вахте.
– Тогда соси палец! Нам десятник утром поровну выдал.
– Я позволю тебе завтра откусить.
– Вечером? – подобрал крошки Баскито.
– Как ты сказал, – спросил солдат, – семьдесят пятая широта?
– Да, – Баскито проглотил мякиш и откусил еще.
– Мы сейчас где находимся? – поинтересовался Санчо.
– У пятидесятой.
– Сколько градусов прошли от райских мест, где было вдоволь женщин?
– Двадцать пять.
– Всего? – удивился солдат.
– Это свыше полутора тысяч миль.
– Значит, капитан-генерал хочет пройти на юг еще такое же расстояние?
– Серран перепутал пятьдесят пятую широту с семьдесят пятой, – поправил Окасио.
– Нет, он несколько раз повторил эту широту, – Баскито смачно погрыз сухарь.
– Такой не существует, – решил Окасио. – Мы подошли к южному краю Земли, где заканчивается жизнь и начинаются сплошные льды.
– Если на севере есть семидесятая широта, то обязательно имеется и на юге!
– Чепуха! – поддержал Санчо. – На севере их – сотня, а у нас – не более шестидесяти.
– Ты бы помолчал, – посоветовал Фодис— Не нам судить! Раз сеньор Магеллан сказал, значит, видел ее на карте.
– Что же он не дал карту нашему капитану? – усмехнулся Окасио.
– Серран без нее знает моря. Я ходил по Нормандии, так закрою глаза и вижу дороги.
– Готово! – радостно доложил юнга, пронзая мясо ножом. – Разварилось.
Он стянул котел на край печи, зачерпнул варево с мясом в большую общую миску. Первым с ложкой полез старший матрос Окасио, хотя по правилам был обязан уступить первенство плотнику, за ним – солдат и Баскито, последними – юнги. Все по очереди наклонялись к посудине, брали похлебку и над сухарем, если таковой имелся, несли в рот. Трапеза началась и закончилась молитвой. Недорезанного Антония почтительно поставили на стол.

* * *

– Я расскажу тебе сказку, пришедшую в Италию от греков, – пообещал Пигафетта, осторожно вороньим перышком смазывая оливковым маслом рубцы Сибулеты. Распластавшийся на животе юнга спрятал бескровное лицо в подушку. Полуголое изодранное тело гноилось.

Правая покалеченная рука неестественно выгнулась, левая – зарылась под матрас— Давным-давно, когда на земле было мало людей, боги жили на Олимпе, – начал летописец. – Прометей украл из кузницы Вулкана огонь и отнес смертным. Сын владыки Меркурий заметил с горы огни на полях и холмах, в лесах и пещерах. Прометей обучил людей ремеслам, научил строить дома и корабли, ковать оружие, плавить медь. Меркурий испугался, пожаловался Юпитеру. «Как он посмел? – вскричал громовержец. – Похитил мой огонь и отдал людям? Я отомщу ему! Но прежде накажу людей, а он пускай посмотрит! Зови ко мне Вулкана из темницы!» Тут прибежал взволнованный кузнец, дрожит от страха, шутка ли – про-

спал огонь?! «Я не виноват! – кричит владыке. – Он сам унес в тростинке уголек, зажег им хворост». – «Ох, я тебе... – грозит Юпитер. – Настанет время – разберусь! Слепи-ка мне из глины женщину невиданной красоты, подобную богиням». – «Сию минуточку! – развеселился бог— Я жизнь вдохну в прах придорожный, подобно Прометею, создавшему мужчину». – «Когда закончишь дело, созови богов, – пусть одарят Деву, кто, чем может».

Вулкан ушел, и к вечеру готова Дева, прекрасная лицом и станом, первейшая из женщин на земле. До этого лишь были женщины-богини.

Афина выткала ей пояс золотой, вуаль расшила собственной рукой и белый плащ накинула на плечи.

Венера, мать любви, дала способность воспламенять сердца мужчин.

Меркурий – чудесный взор, ласкающий и нежный голос.

Хариты – изящество и свежесть. Словом, кто что мог, как повелел Юпитер.

А сам великий громовержец наполнил тайно медный ящик причудливым добром и подарил Пандоре, так называли Деву. Он приказал ей передать гостинец будущему мужу; Меркурия призвал, чтоб проводил на землю, туда, где будет Прометей.

Посланник свел Пандору вниз. Сбежались вокруг такого чуда все мужчины. И каждый восхищался грацией ее, хотел назвать женою. Один лишь Прометей глядел поодаль. «Здесь кроется коварство! – говорил он смертным. – Уж слишком щедрым стал владыка-олимпиец».

Мужчины вняли уговорам, отошли. Но брат героя Эпиметей назад не сделал шага. По повелению Венеры, Амур пронзил его стрелой, попавшей прямо в сердце. Несчастный руку протянул навстречу Деве: «Пандора, будь моей женой!» И легкая, как ветерок над морем, та радостно направилась к нему. «Возьми, – сказала, – дар бесценный олимпийца, храни приданое мое!»

Эпиметей, по нашему – недальновидный, откинул крышку. «О, ужас!» – закричали люди. Из красно-медного ларя на землю пали беды и несчастья, уродливая смерть сползла, страдания, печаль и зависть, смешанная с лестью злоба, чума и язва, мор. Они вмиг расплозились, на крыльях разлетелись, забились в щели, свили гнезда во всех частях земли.

Эпиметей опомнился, захлопнул ящик. Он был почти пустой. На доньшке прилипла крылышками к стенке – раздавленное жалкое создание – надежда. Она одна лежала в ящике Пандоры. С тех пор повсюду на людей набрасываются злые твари, подстерегает смерть. Лишь слабая и робкая надежда осталась с ними.

– Все зло от женщин, – устало заметил Вашко, внимательно слушавший Пигафетту— Не зря на кораблях говорят: «Женщина и священник на борту – к несчастью!»

– Пандора не виновата, – возразил Антонио. – Дева мечтала принести людям добро. Но это не главное в мифе... Ты слушал меня, Хуан? – спросил Сибулету. – Парень качнул головой. – Надежда расправит крылышки и дотронется до тебя мягкими лапками.

– Сеньор рыцарь, – позвал кормчий, – за что боги злы на людей? Не успели люди освоить землю, как Юпитер надумал наказать их.

– У греков царствовал Зевс, – поправил Антонио, – называемый римлянами Юпитером. Он хотел отомстить людям за то, что они забыли его, устраивали жизнь по-своему.

– Разве это плохо?

– Вероятно, нельзя отступать от пути, предначертанного Господом. В стороне от него человек подвергает себя и бредущих за ним большой опасности. Поэтому Давид призывал иудеев побивать камнями лжепророков, обещавших Царство Божие на Земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.